

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

· FROM · THE · LIBRARY · OF ·
· PAUL N · MILIUKOV ·

EX LIBRIS

Т. 461 together: no. 3-8-15 XRM: Univ. of California

✓
A. A. Spitsyn.

I s t o r i j a
ИСТОРИЯ

V i a t s k a g o G l a v n a g o
ВЯТСКАГО ГЛАВНАГО

N a r o d n a g o U c h i l i s c h a
НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

(1786—1811 г.г.).

Составилъ А. Спицынъ

Перепечатано изъ Календаря Вятской губернии на 1891 г

ИЗДАНИЕ ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.

1891.

70 1140
ABR 11 1890

Печатано по постановленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго
Комитета 27-го ноября 1890 года.

MILJKOV LIBRARY

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ.

DK 511
V9556

ИСТОРИЯ ВЯТСКАГО ГЛАВНАГО НАРОДНАГО УЧИЛИЩА.

(1786—1811 г.г.).

I. Отвертіе въ г. Вятѣ главнаго народнаго училища.

Кто изъ русскихъ людей первой половины XVIII в. считалъ грамоту дѣломъ полезнымъ или нужнымъ для своихъ дѣтей, въ каждомъ городѣ, селѣ, въ каждой значительной деревнѣ безъ всякаго затрудненія находилъ лицъ, которыя за весьма дешевую плату вполне успѣшно могли научить ихъ и чтенію, и письму. То были бѣдные церковники, грамотные бобыли и частью солдаты. Учили они азбукѣ, письму, псалтири и часослову, впоследствии даже катихизису. Школы, рассчитанной на болѣе широкой курсъ знаній, претендующей на внесеніе въ жизнь болѣе изысканныхъ теоретическихъ и практическихъ интересовъ, словомъ школы правительственной, распространяющейся и руководимой силою авторитета власти, еще не было, и не чувствовалось въ ней потребности. Петръ Великій сдѣлалъ попытку создать такія школы, но его „цифирныя школы“ не привились: чрезъ 6 л. послѣ указа о нихъ онъ принужденъ былъ освободить горожанъ отъ обязанности посылать въ нихъ дѣтей учиться. Нѣсколько позднѣе, духовный регламентъ настойчиво требовалъ учрежденія школъ при монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, но несмотря даже на новые подтвердительные указы о томъ школы не открывались, а открывшіяся возбуждали сильный ропотъ въ народѣ и въ самомъ духовенствѣ, какъ учрежденія ненужныя и обременительныя. Правительство совершенно отказалось отъ мысли о народныхъ школахъ и усиленно слѣдило только за тѣмъ, чтобы не оставались неучеными дѣти священно-служителей, для которыхъ почти всюду были открыты и усердно поддерживались греко-латинскія школы, прототипъ будущихъ семинарій. Но вотъ развилось, расши-

рилось и окрѣпло просвѣтительное движеніе второй половины XVIII в.; съ стремительной быстротой охватило оно и Россію. Это движеніе, это духовное „возрожденіе“ прошло вѣка въ основѣ своей имѣло горячее, фанатическое поклоненіе разуму и сердцу человѣческому. Культъ свободнаго отъ предубѣжденій разума и культъ чувства, не подчиненнаго традиціи и авторитету, создали увлекательныя теоріи воспитанія, ясныя и возвышенныя по цѣли, которыя сразу пріобрѣтали массу дѣятельныхъ поклонниковъ не только въ средѣ руководителей умственнаго движенія тогдашняго времени, но и въ руководящихъ классахъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Идея просвѣщенія путемъ науки и школы слѣпыхъ массъ, коснѣющихъ среди всякаго рода суевѣрій, серьезно заняла мысль философовъ и политическихъ дѣятелей. Увлеченіе ихъ не знало и не признавало никакихъ препятствій въ осуществленіи завѣтныхъ стремленій, и только такое увлеченіе могло породить и частью осуществить столь грандіозный планъ общественнаго перевоспитанія путемъ школы, какой созданъ и проведенъ у насъ волею и заботами Императрицы Екатерины II. Заявивъ торжественно, что по ея мнѣнію „корень всему добру и злу воспитаніе“, что „держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается—произвести способомъ воспитанія новую породу отцовъ и матерей, кои бы дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя правила въ сердце вселить могли, какія получили они сами“, что воспитаніе должно идти по новымъ педагогическимъ правиламъ, сообразно природѣ человѣка, Императрица положила одною изъ важнѣйшихъ задачъ своего царствованія поставить на твердую почву общественное воспитаніе среди врученнаго ей судьбою народа, и со свойственной ей неспѣшной настойчивостью принялась осуществлять свое намѣреніе цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ мѣропріятій. Сперва они имѣли болѣе или менѣе частный или случайный характеръ, но въ 1782 году императрица учредила особую комиссію о народныхъ училищахъ, къ которой умѣла привлечь достойныхъ дѣятелей и которая чрезъ три года усиленныхъ занятій составила замѣчательный проэктъ открытія народныхъ школъ сразу во всѣхъ городахъ и селеніяхъ имперіи и приготовилась осуществить его, надѣясь, при условіи дѣятель-

наго содѣйствія со стороны Императрицы, дать школамъ и средства, и учителей, и разработанныя программы преподаванія, даже учебники, даже преодолѣть то пассивное сопротивленіе или въ лучшемъ случаѣ равнодушіе, которыя неизбежно слѣдовало ожидать со стороны еще неподготовленного общества. Императрица утвердила предположенія комиссіи и съ достойной уваженія твердостью занялась ихъ осуществленіемъ. Конечно, не все оказалось возможнымъ сдѣлать, что было предположено, но и то, что было выполнено, составляетъ ея личную и весьма значительную заслугу. Руководимой ею комиссіи выпала на долю задача болѣе чѣмъ трудная — создать традиціи свѣтскаго образованія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не было и гдѣ это образованіе считалось за лишнее или было непонятно, ей пришлось создать самую идею правительственной школы, и если она не пала подъ бременемъ своей задачи, то потому лишь, что была только исполнительнымъ органомъ въ рукахъ сильной и дѣятельной власти.

Въ 1786 г. комиссія нашла возможнымъ приступить къ открытію главныхъ народныхъ училищъ, на первое время въ 25 губернскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Вяткѣ. Школы рѣшено было открыть съ особенною торжественностью и всѣ одновременно, именно въ день коронаванія Императрицы (22 сентября), „дабы сей день, въ блаженствѣ Россіи знаменитый, имѣлъ сугубую славу и по начавшемуся въ немъ всеобщему народному просвѣщенію“. Въ августѣ 1786 г. казанскій генералъ-губернаторъ кн. Мещерскій получилъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ заключалось увѣдомленіе о рѣшеніи комиссіи и которымъ требовалось, чтобы онъ приготовилъ къ назначенному дню все необходимое къ открытію между прочимъ и въ Вяткѣ главной народной школы и нѣсколькихъ малыхъ по уѣзднымъ городамъ, а также отыскалъ бы средства на ихъ содержаніе изъ доходовъ городскихъ и приказа обществ. призрѣнія, впрочемъ безъ отягощенія казны и безъ оскуднѣнія для другихъ полезныхъ заведеній *). Кн. Мещерскій поспѣшилъ тотчасъ же увѣдомить о волѣ Императрицы вятскаго намѣстника Желтухина и предложилъ

*) Юрьевъ. Народное образованіе въ Вятской губерніи въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Вятка 1887 г. стр. 7—9. Рескриптъ Мещерскому и предположеніе послѣдняго Желтухину см. въ сборн. „Столѣтіе Вятск. губ.“ т. I, 287.

ему немедленно войти въ сношенія съ городскимъ обществомъ, озаботиться отысканіемъ удобнаго помѣщенія подъ училище, затребовать отъ обывателей записки, кто именно и кого изъ дѣтей желаетъ отдать въ школу, и 22 сентября открыть ее. Желтухинъ съ своей стороны не упустилъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры: прінскалъ свободный домъ для помѣщенія училища, „силою своей власти“ *) записалъ въ число будущихъ учениковъ болѣе 30 мальчиковъ, дѣтей городскихъ обывателей, и представилъ къ утвержденію въ должности директора одного изъ своихъ чиновниковъ, бывшаго нѣкогда преподавателемъ семинаріи; комиссія училищъ въ то же время прислала необходимыя пособія **) и учителей,—и въ показанный срокъ Вятское главное народное училище торжественно было открыто. „Сей всевозделѣнный день, день въ роды родовъ незабвенный, ознаменованъ благодаренія и хваленія отъ чувствительныхъ сердець вѣрнопопдадныхъ при духовной церемоніи, которую совершалъ преосв. Лаврентій, епископъ Вятскій, въ присутствіи правителя намѣстничества Ѡ. Ѡ. Желтухина съ чиновными особами, купечествомъ и прочими согражданами“. За нѣсколько дней до открытія училища чрезъ управу благочинія объявлено было жителямъ г. Вятки, что 22 сентября, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ, будетъ открыто главное народное училище. Въ назначенный день „все благородное общество и чиновники, на службѣ состоявшіе, собрались въ 9 час. утра въ губернаторскій домъ, и, по указанію намѣстника, именитое купечество и прочіе первенствующие горожане, вмѣстѣ съ учителями и поступившими въ училище дѣтьми, отправились въ каедральный соборъ для слушанія литургіи и произнесенія молебствія“. Вслѣдъ затѣмъ въ соборъ прибыли правитель намѣстничества и чиновенство. „По окончаніи священнослуженія, процессія въ томъ же порядкѣ двинулась въ назначенное для училища зданіе“, куда вскорѣ прибылъ преосвященный Лаврентій съ городскимъ духовенствомъ. По совершеніи молебствія и окропленія всѣхъ святою водою училище объявлено открытымъ ***).

*) Выраженіе, заимствованное изъ Исторической записки 1808 г.

**) На 426 руб.

***) Церемоніаль открытія главнаго училища извѣстенъ лишь въ краткомъ изложеніи (Стодѣтіе Вят. губ. I, 288). Насколько онъ былъ торжествененъ въ дру-

Пишный церемоніаль достигъ своей цѣли: поразилъ воображеніе гражданъ и показалъ всѣмъ, какъ серьезно относится правительство къ дѣлу учрежденія школъ. Перестали гудѣть вятскіе ребята въ школѣ отставнаго писца Глухихъ, мѣщанина Ланскихъ, солдаты Васильевой, дьякона Покровской церкви Луппова и другихъ двухъ *)...

II. Администрація главнаго училища. Попечители. Приказъ обществ. призрѣнія. Директора. Попечитель Казанскаго учебнаго округа. Отчетность.

Непосредственное наблюденіе за ходомъ преподаванія въ школахъ уставомъ 1786 г. было возложено на директора; ему же дано право опредѣлять и увольнять учителей, но съ разрѣшенія попечителя училища и съ вѣдома приказа. Чтобы предупредить со стороны директора злоупотребленіе своею властью, уставъ найсточиво указываетъ, что онъ съ учителями долженъ поступать „яко съ носящими на себѣ трудныя и важныя должности воспитанія сыновей отечества, ласково, и не оставлять ихъ дѣломъ и совѣтомъ какъ въ классахъ, такъ и въ собственныхъ ихъ нуждахъ, особливо же не покидать ихъ въ болѣзни“. Директоръ назначался генералъ-губернаторомъ, по представленію намѣстника, и по уставу „долженъ быть любитель наукъ, порядка и добродѣтели, доброхотствующій юношеству и знающій цѣну воспитанія“. Директору поручено было также наблюденіе за малыми училищами, частными пансіонами и домашними школами; по дѣламъ, касающимся училищной части, онъ засѣдалъ въ приказѣ съ правомъ голоса.

На директоровъ Вятскому главному училищу, можно сказать, посчастливилось. Первымъ директоромъ былъ назначенъ *Ив. Стефановичъ*, кончившій курсъ въ кіевской академіи и послѣ бывшій учителемъ въ псковской и казанской семинаріяхъ и нѣкоторое время даже префектомъ послѣдней, но въ послѣдней должности онъ пробылъ не долго и пошелъ въ свѣтскую службу, сперва казначеемъ въ яранскую воеводскую

гихъ мѣстахъ, можно судить по описанію открытія училища въ Перми. См. *Орсова*, открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губер. Пермскій Сборникъ т. I. 1859 г.

*) Всѣ частныя школы по требованію Желтухина были закрыты. Учениковъ въ нихъ было 61. *Юрьевъ*, стр. 15 и 41.

канцелярію, былъ отмѣченъ намѣстниками, въ 1786 г. состоялъ уже предсѣдателемъ губернскаго магистрата и въ то же время исполнялъ должность совѣтника губернскаго правленія *). Это былъ уже пожилой человѣкъ, но еще бодрый, если судить по тому, что онъ съ такимъ успѣхомъ и достоинствомъ несъ свою службу въ продолженіи 14 л. (съ небольшимъ перерывомъ), а главное—это былъ несомнѣнно одинъ изъ образованнѣйшихъ вятчанъ того времени. Въ 1797 г. Стефановичъ, чувствуя утомленіе, испросилъ себѣ отставку, но назначенный на его мѣсто совѣтникъ губернскаго правленія Насѣдкинъ оказался столь не подходящимъ къ своей должности, что первымъ дѣломъ новаго губернатора Зиновьева, два года спустя, было вновь пригласить на службу Стефановича, „въ наукахъ человѣка заслуженнаго и поведенія добропорядочнаго“, причемъ ему же были поручены въ приказѣ обязанности губернскаго предводителя. Два года спустя, въ 1800 году, при вступленіи въ должность губернатора Латышева, Стефановичъ, вѣроятно въ слѣдствіе чьихъ-нибудь происковъ, былъ вновь уволенъ, даже безъ прошенія. Очень обиженный такой отставкой, Стефановичъ обратился съ жалобой къ ревизующимъ тогда губернію сенаторамъ Спиридову и Лопухину. Сенаторы, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, убѣдились, что Стефановичъ обиженъ напрасно, и предлагали ему вновь занять мѣсто директора, но онъ отказался, хотя по мнѣнію сенаторовъ не такъ былъ старъ, чтобы не могъ нести еще далѣе эти обязанности (ему было не болѣе 60 лѣтъ) и къ тому же обладалъ большою живостью духа и значительнымъ здоровьемъ. Спиридовъ и Лопухинъ дали весьма лестный отзывъ о Стефановичѣ, какъ о человѣкѣ знающемъ и благонравномъ, служащемъ образцомъ въ нравахъ для учащихъ. „За долгъ усердія къ пользѣ губерніи почитаемъ изъяснить сожалѣніе, что школы ея лишены столь достойнаго директора. При осмотрѣ нашемъ, видѣли мы оныя трудами искусства его, г. Стефановича, приведенныя въ наилучшее состояніе... Предметъ школъ столь есть важенъ, а г. Стефановичъ столь отличныя имѣетъ способности управлять оными и столь не легко найти въ сію должность подобнаго ему, что мы... конечно бы сочли за нужное поправить отрѣшеніе г.

*) Юрьевъ стр. 11.

Стефановича, но при всѣхъ убѣжденіяхъ не соглашается паки принять здѣсь ту должность“ *). Вполнѣ довѣряя свидѣтельству сенаторовъ о благопріятномъ положеніи вятскихъ школъ подъ управленіемъ Стефановича, мы лишь прибавимъ, что онъ, опытный въ служебныхъ дѣлахъ человекъ, при другихъ своихъ душевныхъ качествахъ, очевидно обладалъ большою осмотрительностью и умѣлъ вслѣдствіе этого ладить съ попечителями и съ приказомъ. Новый директоръ на первое время былъ не такъ въ этомъ отношеніи счастливъ.

Какъ было трудно найти достойнаго преемника Стефановичу, видно изъ того, что избранный губернаторомъ Зиновьевымъ на должность директора въ 1797 г. совѣтникъ губернскаго правленія Насѣдкинъ оказался совершенно несостоятельнымъ въ ней. Новый губернаторъ, Тютчевъ, „желая самолично отъ учителей узнать подробно состояніе училища и споспѣшествовать благосостоянію онаго“, въ 1799 г. отрѣшилъ Насѣдкина отъ должности. Составитель отчета за этотъ годъ, Стефановичъ, обсуждая причины малаго количества учениковъ отчетнаго года, иронически замѣчаетъ: „и надзоръ надъ онымъ въ отношеніи директора, который, не имѣя счастія быть знакомъ съ музами, слѣдовательно со знаніями и науками, съ сею должностію сопряженными, а посему уже не въ состояніи былъ предупреждать или отклонять упадокъ, въ училищѣ послѣдовать имѣющей“.

Неудача опредѣленія на должность директора училищъ лица, не имѣющаго специальной подготовки, привела губернатора Латышева къ мысли представить къ утвержденію въ этой должности старшаго учителя главной школы *Рапинова*, извѣстнаго ему за человека знающаго и усерднаго, который и занималъ ее съ 1801 г. въ теченіи 10 л., до преобразования училища въ гимназію въ 1811 г. **) и даже оставался на нѣкоторое время первымъ директоромъ ея. Какъ homo novus, человекъ, выдвинувшійся только благодаря отсутствію достойныхъ соперниковъ, Рапиновъ дорожитъ своимъ положеніемъ, усердно относится къ своему дѣлу и послѣ небольшихъ столкновеній устанавливаетъ удовлетворительныя отношенія къ при-

*) Отрывъ приведенъ въ статьѣ г. Муринскаго О народныхъ школахъ (Стол. Вятск. губ. т. II, 672. Юрьевъ, стр. 11, 71, 75, 80.

**) Рапиновъ, какъ и другіе учителя, былъ воспитанникомъ семинаріи (казанской) и затѣмъ кончилъ курсъ въ петербургской учительской гимназій.

казу. Попечитель округа Румовскій былъ доволенъ исправною дѣятельностью Рапинова и возлагаетъ на него заботу о преобразованіи училища въ гимназію, хотя въ отзывѣ о немъ министру и выражается очень сдержанно. Вѣроятно, Рапиновъ былъ добросовѣстный, но не увлеченный и не талантливый педагогъ и выдвинулся быть можетъ лишь потому, что въ удобную минуту занималъ мѣсто старшаго учителя. Такъ какъ Главное правленіе не могло найти учителя математики замѣнъ Рапинова, то онъ долгое время продолжалъ заниматься въ IV кл., не получая впрочемъ за это особаго вознагражденія. Онъ нѣсколько разъ хлопоталъ о прибавкѣ жалованья за математическій классъ, но попечитель умѣлъ отклонять его требованія, и только въ 1809 г. „въ уваженіе трудовъ“ ему назначено добавочное вознагражденіе, но въ то же время попечитель отказался хлопотать о выдачѣ ему жалованья за всѣ прошлые годы: „по удостоеніи правленія за сіе награждены вы настоящимъ чиномъ ранѣе узаконенныхъ лѣтъ, чѣмъ и должно почитать вамъ себя удовлетворительно возданнѣмъ“, писалъ ему Румовскій въ отвѣтъ на его новыя просьбы. Выдающіеся труды заслужили бы большаго вниманія.

По штату директора получали 500 р. асс. въ годъ жалованья, кромѣ того развѣздныя и квартирныя, и ихъ положеніе было несравненно обезпеченнѣе, чѣмъ учительское.

По выраженію одного отчета, „до года милиціи въ училищѣ всѣмъ распоряжался приказъ обществ. призрабнѣя“, но послѣ того онъ „не имѣлъ надъ народными училищами никакого распоряженія“, кромѣ, конечно, хозяйственнаго. Определеніе и увольненіе учителей, отчасти наблюденіе за ходомъ преподаванія и за дѣятельностью директора, вообще учебная и административная сторона школъ съ открытія ихъ на нѣкоторое время составила не предусмотрѣнное уставомъ, но допускаемое практикой право и обязанность приказа. Повидимому, это право возникло вслѣдствіе распоряженія, чтобы годичные отчеты представлялись въ Комиссію училищъ чрезъ приказъ и съ его заключеніемъ. Между директоромъ и приказомъ случались столкновенія, и во всѣхъ столкновеніяхъ этихъ приказъ обращается къ директору, какъ лицу подчиненному. Въ 1802 г. Комиссія училищъ обратилась въ при-

казъ съ требованіемъ доставить ей историческія записки о состояніи народныхъ училищъ въ губерніи за все время ихъ существованія. Приказъ требовалъ составленія этикъ записокъ отъ директора Рапинова, и когда тотъ отвѣтилъ, что подобныя записки доставляются имъ въ приказъ ежегодно и не можетъ ли приказъ послать съ нихъ копіи, приказъ отвѣтилъ ему: „чтобы онъ, директоръ, историческія записки за всѣ годы, какъ требуетъ комиссія, сочинивъ во всѣхъ частяхъ, подалъ въ приказъ немедленно, причемъ объявляетъ ему, чтобы впредь отъ подобныхъ прихотливыхъ представленій, къ единому только приказу затрудненію, удержался, *не доводя себя до непріятныхъ послѣдствій*“⁴. Нѣсколько позднѣе тотъ же директоръ былъ вызванъ въ приказъ, и въ присутствіи ему сдѣланъ выговоръ за то, что онъ въ формулярѣ своемъ помѣтилъ, что состоитъ членомъ приказа въ должности губернскаго предводителя, тогда какъ уже не состоялъ въ этой должности; сдѣлано было замѣчаніе съ подтвержденіемъ, чтобы впредь поступалъ осмотрительнѣе, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія по законамъ *). Съ какою осторожностью само начальство относилось къ мѣстнымъ приказамъ, о томъ даетъ хорошее понятіе одинъ характерный случай. Въ 1805 г. директоръ Рапиновъ жаловался попечителю округа Румовскому на невыдачу приказомъ учителю математики полнаго жалованья за его занятія въ другомъ классѣ. Румовскій отвѣтилъ, что „въ подобныхъ случаяхъ указы дѣлають затрудненія“, и просилъ подождать того времени, когда суммы будутъ находиться въ завѣдываніи управляющихъ школами.

Хотя директоръ и учителя и находились подъ нѣкоторой опекой приказа и не могли устранить возможность непріятныхъ столкновеній съ нимъ, все же онъ оказалъ училищу существенную услугу, принявъ на себя нелегкую задачу доставлять ему необходимое содержаніе въ теченіе всего времени его существованія.

Попечителемъ народныхъ училищъ по уставу 1786 г. состоялъ мѣстный губернаторъ, который, въ качествѣ предсѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, долженъ былъ принимать всѣ зависящія отъ послѣдняго мѣры къ улучше-

*) Юрьевъ, стр. 88—89.

нію устройства школъ, но главною его обязанностию, особенно въ началѣ, считалось открытіе новыхъ школъ; кромѣ того въ число специальныхъ его обязанностей входила забота о библіотекѣ и кабинетахъ школъ, которые могли процвѣтать лишь на столько, на сколько губернаторъ успѣвалъ вызывать на нихъ частныя пожертвованія. Губернаторамъ рекомендовалось во время ревизій посѣщать и мѣстныя учебныя заведенія „какъ не менѣе другихъ въ себѣ пользы заключающія“.

Попечителями сперва были намѣстники Желтухинъ (1786—1796) и Зиновьевъ (1796—1798), послѣ губернаторы Тютчевъ (1798—1800), Латышевъ (1800—1802), Руничъ (1802—1804), Болгарскій (1804—1808) и Брадке (1808—1811). Вятское главное училище одолжено изъ этихъ лицъ болѣе всего кажется Желтухину, на долю котораго выпала главная забота объ изысканіи средствъ для него и о привлеченіи къ нему сочувствія общества. Другіе губернаторы, напр. Зиновьевъ, Латышевъ, Руничъ и Брадке, заняты были искорененіемъ огромныхъ злоупотребленій, открывшихся въ Вятской губерніи и не имѣли времени быть полезными школъ. Вниманіе попечителей къ школъ выражалось изрѣдка въ посѣщеніяхъ ея во время школьныхъ занятій и въ неизмѣнномъ присутствованіи на ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ, которыя иногда кончались казовымъ осмотромъ школы и ея кабинетовъ. Черезъ два года по открытіи, 3 мая 1788 г., главное училище посѣтилъ Желтухинъ „съ фамиліи и ближними чиновниками“. Посѣщеніе было внезапное. Губернаторъ осмотрѣлъ помѣщеніе и слушалъ преподаваніе. Въ 1800 г., при вступленіи въ должность, посѣтилъ училище новый губернаторъ Латышевъ *). Замѣтивъ, что помѣщеніе училища крайне тѣсно и неудобно, онъ распорядился перевести его въ каменный корпусъ присутственныхъ мѣстъ. Генералъ-губернаторы, какъ главные попечители школъ, тоже время отъ времени посѣщали главное училище. На другой годъ послѣ открытія, училище было посѣщено кн. Мещерскимъ, который „выслушавъ испытаніе, оказалъ учителямъ благоволеніе“, въ 1806 г. — Модерахомъ, который также „слушалъ отвѣты, осмотрѣлъ кабинеты и все нашелъ въ добромъ устроеніи“. Столь

*) Произведенный изъ командировъ Клязemsкаго гарнизона „за правду“. Любопытно, что Латышевъ былъ малограмотенъ.

же поверхностный полу-осмотръ полу-ревизію сдѣлали еще ранѣе сенаторы Салтыковъ и Пестель (1801 г.), посѣтившіе уроки во всѣхъ классахъ, произведшіе небольшое испытаніе и также кончившіе свое обзорѣніе благодарностью къ учителямъ за успѣшность. Губернаторъ Болгарскій любилъ давать учителямъ ученаго характера порученія, напр. послалъ директора осмотрѣть одинъ любопытный обвалъ земли въ Уржумскомъ уѣздѣ, въ другой разъ прислалъ образчикъ руды для испытанія ея качествъ. По дѣламъ видно, что очень серьезное вниманіе обращалъ на училище губернаторъ Руничъ, вскорѣ произведенный въ сенаторы.

Во все время существованія главнаго училища попечителемъ Казанскаго учебнаго округа состоялъ *Румовскій*, достойнѣйшій человекъ. Умный, осторожный и деликатный, онъ въ то же время былъ чрезвычайно внимателенъ къ порученному ему дѣлу и ко всѣмъ нуждамъ своихъ подчиненныхъ. Румовскій все зналъ и ничего не забывалъ. Кажется, большинство бумагъ онъ писалъ собственноручно, и всѣ онѣ изложены образцовымъ по точности, силѣ и красотѣ слога. Попечитель, будучи членомъ Главнаго правленія училищъ, все время жилъ въ Петербургѣ, и всѣ отношенія къ нему директора училищъ ограничивались официальной перепиской, притомъ же обыкновенно чрезъ посредство Совѣта университета.

Согласно уставу 1786 г., директоръ ежегодно, съ помощью доставляемыхъ ему ежемѣсячно рапортовъ и экзаменныхъ вѣдомостей, составлялъ отчетъ, который отправлялъ въ приказъ, откуда, оставивъ копію, пересылали его въ Главное правленіе, а съ учрежденіемъ округовъ еще и попечителю округа. Приказъ присоединялъ къ отчету свое заключеніе о дѣятельности учителей и обо всемъ, что имѣло отношеніе къ школьному дѣлу; кромѣ того каждую третью года приказъ отсылалъ въ Правленіе вѣдомость о своихъ постановленіяхъ по училищной части, а въ январѣ кромѣ того годичный денежный отчетъ.

Современемъ въ Главное правленіе стали посылать только „Историческія записки“ (чрезъ попечителя округа), которыя въ Вятскомъ училищѣ аккуратно велись съ 1786 г. и представляютъ цѣнный историческій матеріалъ. Въ нихъ по-

Въ концѣ семисотыхъ годовъ въ большомъ ходу было обученіе грамотѣ по Ланкастерскому способу взаимнаго обученія. Этотъ способъ усердно поддерживался правительствомъ, проникъ въ наши школы и долго держался въ нихъ. Когда и какъ освоилось съ нимъ главное училище, изъ дѣлъ не видно.

Повидимому, обученіе грамотѣ шло въ училищахъ довольно успѣшно, потому что въ теченіе того же перваго года ученики успѣвали прочесть и изучить Правила для учащихся, Сокращенный катехизисъ, Краткую священную исторію и Руководство къ чистописанію. „Правила для учащихся“ заключаютъ въ себѣ указанія и на то, какъ ученикъ долженъ вести себя дома, въ семействѣ. Катехизисъ и Священная исторія изложены очень кратко, но не всегда ясно. Особыхъ уроковъ Закона Божьяго не было.—Христоматія для чтенія на урокахъ русскаго языка составляетъ явленіе уже новой школы. Мы увидимъ далѣе, что старая школа заботилась какъ можно болѣе передать ученикамъ реальныхъ, фактическихъ свѣдѣній, и образованіе формальное ею не было преслѣдуемо. Христоматією служили всѣ школьные учебники, читаемые и объясняемые въ классѣ такъ, какъ читаются нынѣшнія книги для чтенія. Наша школа оставила этотъ порядокъ занятій, и уроки уже не читаются по учебнику, а рассказываются, лектируются, но многія соображенія ведутъ къ мысли, что старый порядокъ занятій не столь страненъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ, и что возвращеніе къ нему въ той или другой формѣ не заставитъ себя долго ждать.

Молитвословъ не читался, но главныя молитвы заучивались также въ I кл. по описанному ниже приему посредствомъ письма начальныхъ буквъ.

Со втораго полугодія начиналось письмо по прописямъ и даже изученіе начальныхъ правилъ орфографіи по таблицамъ. Прописи ученики имѣли передъ глазами на партѣ или списывали буквы, написанныя учителемъ для образца на доскѣ. Предварительныхъ письменныхъ упражненій не существовало. Письмо буквъ было расположено въ строгой постепенности отъ простыхъ по начертанію къ сложнымъ. Графической сѣтки не было, но сперва писали межъ двумя линіями

ми, потомъ по одной. Письмо подъ тактъ едва ли существовало. Послѣ письма буквѣ шло списываніе съ рукописей дѣлового содержанія и письмо подъ диктовку учителя, который при этомъ, пользуясь случаемъ, сообщалъ правила орфографіи и диктовалъ на нихъ примѣры. Правила эти заучивались и отдѣльно, по особымъ таблицамъ. Когда правила были уже усвоены, дозволялось ученикамъ писать отъ себя, что имъ придетъ желаніе, или задавались легкія темы въ видѣ современныхъ сочиненій.

Переходя во II кл., ученикъ вмѣсто „Правилъ для учащихся“ получалъ „Книгу о должностяхъ человѣка и гражданина“, вмѣсто Краткаго катихизиса пространнѣй, повторялъ и оканчивалъ учебникъ Священной исторіи, продолжалъ упражненія въ чистописаніи и орфографіи и начиналъ занятія арифметикой.

„Книга о должностяхъ“, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, редактировалась самою Императрицею и слѣдовательно ей придавалось особенное значеніе. Она заключаетъ въ себѣ цѣлый кодексъ обязанностей, личныхъ и общественныхъ. Книга начинается изложеніемъ нѣкоторыхъ психологическихъ терминовъ, затѣмъ даются опредѣленія разныхъ добродѣтелей (праводушія, любочестія, спокойствія духа, любовѣдѣнія, дружеской любви, услужливости, искренности, честности, порядка, трудолюбія) и пороковъ (самолюбія, спеси, неучтивости, хвастовства, лжи и пр.), даются медицинскія наставленія „о здравіи“ и правила благопристойности, далѣе идетъ рѣчь о супружескомъ союзѣ и семьѣ, о гражданскихъ обществахъ и государственномъ устройствѣ, о любви къ отечеству, о наукахъ, художествахъ и ремеслахъ, наконецъ курсъ этой официальной этики завершается разнаго рода хозяйственными совѣтами. Конечно, книга такого содержанія не могла быть понята дѣтьми и вѣроятно предполагалось, что съ содержаніемъ ея дѣти освоятся современемъ и бессознательно, какъ въ началѣ бессознательно усваиваются молитвы и заповѣди. По отзывамъ разсматривавшихъ ее лицъ, она скучна, суха, правоучительна и очень утилитарна.

Пространнѣй катихизисъ отъ краткаго отличался многорѣчивыми объясненіями и примѣненіями практическихъ положеній къ жизни. Составленъ былъ Янковичемъ, образован-

нимъ сербомъ, много потрудившимся въ качествѣ члена учебной комисіи, а можетъ быть митрополитомъ Платономъ.

Ариѳметика проходилась менѣе подробно, чѣмъ нынѣ, и потому-то, вѣроятно, изученіе ея начиналось во второй годъ ученія. Во II кл. проходились правила 4-хъ дѣйствій (при 6 недѣльных урокахъ). Судя по „Руководству для учителей“, главнѣйшія занятія ариѳметикою были сосредоточены на механизмѣ счисленія; задачъ давалось мало и притомъ лишь послѣ того, какъ механизмъ счета былъ уже вполне усвоенъ.

Правила орѳографіи, судя по тому, какъ они изложены въ „Руководствѣ для учителей“, на нашъ современный взглядъ кажутся очень неточными, неполными и почти ни на чемъ не основанными. Къ правописанію въ старину относились очень не строго, если судить по тому, что самъ директоръ Вятскаго главнаго училища дѣлалъ грубыя ошибки. Въ старую пору хорошая орѳографія была не столько результатомъ добраго ученія, сколько дѣломъ навыка и постоянной практики.

Въ III кл. изучался вновь Пространный катихизисъ, на этотъ разъ съ доказательствами изъ священнаго писанія, читалось евангеліе съ толкованіями, заканчивалась ариѳметика, систематически проходила русская грамматика, начиналось преподаваніе исторіи и географіи.

„Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій“ должно было читать на урокахъ катихизиса и предъ обѣденою въ праздники и воскресенья. Читенія расположены съ Пасхи. Учитель долженъ былъ предварительно прочесть подлинный евангелійскій текстъ, объяснить непонятныя слова, перевести порусски, и уже тогда ученики обращались къ книгѣ „Изъясненій“, гдѣ они находили тотъ же текстъ въ русскомъ переводѣ, разчлененный на мелкія части по содержанію, даѣе „изъясненіе“, т. е. толкованье и разъясненіе текста, „христіанское ученіе“—догматическія положенія на основаніи текста, и „правоученіе“—правоучительный выводъ для жизни. Книжка эта производитъ хорошее впечатлѣніе, какъ по мысли, такъ и по выполненію.

„Краткая російская грамматика“, употребляемая въ училищахъ, состояла изъ несложнаго курса этимологіи. При

прохожденіи ея повторялись правила орфографіи, усвоенныя въ I и II кл. по таблицамъ. Комиссія училищъ съ трудомъ нашла охотника составить русскую грамматику (ее составилъ проф. Сырейщиковъ), и едва ли это руководство не было худшимъ изъ всѣхъ, изданныхъ ею. Для другихъ учебниковъ (кромѣ катихизиса) она пользовалась австрійскими учебными книгами.

Въ III кл. по исторіи проходила исторія древнихъ народовъ, каждаго въ отдѣльности, по руководству, изданному Комиссіей училищъ „Всемирная исторія, изданная для народныхъ училищъ ч. I⁴. Преподаваніе сопровождалось показываніемъ мѣстъ историческихъ событій по картѣ и составленіемъ особой хронологической таблицы *).

Изъ географіи въ III кл. проходило введеніе во всеобщую географію, заключающее весьма скудный курсъ физической и математической географіи на 19 стр. малаго формата, и „Краткое землеописаніе Россійскаго государства“, состоящее изъ небольшого общаго обзоренія государства и списка всѣхъ русскихъ городовъ съ кратчайшими примѣчаніями о каждомъ, нерѣдко только въ родѣ того, что такой-то городъ стоитъ на такой-то рѣкѣ. Учебникъ очень не великъ по объему, но былъ настолько труденъ для изученія, что проходилъ еще вторично въ слѣдующемъ классѣ. Учителямъ было предоставлено право при повтореніи книги дополнять ее изъ несравненно болѣе подробнаго изданія „Пространное землеописаніе Россійскаго государства“.

Въ курсѣ IV кл., продолжавшемся два года, ученики проходили: русскую географію и грамматику (повтореніе), всеобщую исторію (II ч., т. е. исторію Пруссіи и сѣверныхъ и южныхъ европейскихъ государствъ, III ч., т. е. исторію Соединенныхъ Штатовъ, остальныхъ европейскихъ государствъ, а также важнѣйшихъ азіатскихъ, африканскихъ и американскихъ), исторію Россіи, далѣе проходились: всеобщая и математическая географія, основанія естественной исторіи, геометрія, физика, механика и архитектура съ черченіемъ.

*), Таблица состояла изъ черной доски, раздѣленной на графы по числу изучаемыхъ народовъ, имена которыхъ надписывались сверху графъ; сбоку были написаны вѣка. Во время чтенія исторіи ученикъ долженъ былъ заносить на соответственное мѣсто доски имена и года событій. Это въ первообразѣ извѣстный въ послѣдствіи приемъ Явлинскаго.

• Кромѣ этихъ предметовъ преподавалось еще рисованіе, одновременно для учениковъ III и IV кл.

Грамматика въ IV кл. повторялась съ упражненіемъ въ „общежительныхъ“ сочиненіяхъ, т. е. вѣроятно сопровождалась сочиненіемъ писемъ, прошеній, отчетовъ и пр. Идею авторства школа почему-то не поддерживала.

Учебникъ всеобщей исторіи *), какъ и всѣ вообще руководства, изданныя Комиссією, отличается краткимъ, энциклопедическимъ, справочнымъ характеромъ. Много фактовъ, но нѣтъ между ними связи. Это доказывается уже тѣмъ, что въ учебникѣ нѣтъ подраздѣленія на древнюю, среднюю и новую исторію, нѣтъ указаній на одинаковыя движенія среди нѣсколькихъ народовъ, а историческія судьбы каждаго народа изображены отдѣльно. Такой порядокъ изложенія мы могли бы признать весьма удобнымъ, если бы составителями учебниковъ сдѣланы были кой-какія уступки прагматичности повѣствованія.

Русская исторія проходила по руководству „Краткая Россійская исторія“ съ дополненіями изъ двутомной „Исторіи Россійскаго государства“ Стритера. Краткая русская исторія, по указанію Шлѣцера, была первымъ сноснымъ систематическимъ руководствомъ, обнимающимъ всю исторію народа, такъ какъ исторія Ломоносова составляла только хронологическій перечень событій.

„Краткое руководство къ математической географіи и къ познанію небеснаго пара“ составляетъ собственно объяснительный текстъ къ глобусамъ земному и небесному. „Всеобщее землеописаніе ч. I и II“ **) отличается тою же краткостью изложенія и непонятнымъ обиліемъ фактическаго матеріала. Въ I ч. помѣщена географія Европы, во II-й—другихъ частей свѣта.

„Начертаніе естественной исторіи“ состоитъ изъ двухъ небольшихъ книжекъ мелкой печати и составляетъ руководство довольно наивное въ научномъ смыслѣ, но крайне интересное практическими свѣдѣніями. Это самая занимательная

*) Вторая и третья части этого учебника составлены воспитаникомъ Вятской семинаріи, извѣстнымъ Яковкинымъ.

**) Вторая часть составлена Яковкинымъ.

книга изъ всѣхъ тогдашнихъ учебниковъ. Текстъ приуроченъ къ природѣ Россіи.

Геометрія понималась буквально какъ землѣмѣріе и имѣла вполне практическій, примѣнимый къ жизни характеръ. Поэтому теоретическая часть ея слаба и доказательства основаны главнымъ образомъ на очевидности, наложеніи и наглядности. Многія числовыя формулы совсѣмъ не доказываются. Къ числу особенностей „Краткаго руководства къ геометріи“ относится между прочимъ то, что предъ курсомъ дается рядъ математическихъ аксіомъ, ученіе о равенствѣ треугольниковъ отнесено къ планиметріи, въ курсъ геометріи отнесены основные приемы черченія и пр. Особыхъ задачъ при учебникѣ не приложено.

„Руководство къ механикѣ“ составляетъ значительную развитую въ практическомъ направленіи часть современнаго курса физики. Формулъ и сложныхъ доказательствъ здѣсь не дается, зато примѣнимость основныхъ механическихъ законовъ къ жизни указывается гдѣ только можно. Много занимаетъ мѣста теорія мельницъ. Весьма интересна глава объ источникахъ силы.

„Краткаго руководства къ физикѣ“ мы не нашли, но по отзыву гр. Толстаго эта книга составлена весьма толково. Позднѣе это руководство замѣнено было физикою Гиляровскаго.

„Краткое руководство къ гражданской архитектурѣ“ хотя и составлено по нѣмецкому учебнику и примѣнительно къ широкому хозяйству и домостроенію (помѣщено даже полное ученіе объ архитектурныхъ орденахъ), но въ разныхъ частяхъ своихъ даетъ интересныя и практическія свѣдѣнія. Въ концѣ книги даются указанія относительно черченія плана и фасада зданій *).

Въ виду возможнаго поступленія нѣкоторыхъ учениковъ въ гимназіи, уставомъ предполагалось ввести въ курсъ главныхъ народныхъ школъ латинскій и нѣмецкій языки и даже даны подробныя указанія о приемахъ изученія ихъ. Въ 1788 г. въ Вятскомъ училищѣ начато было преподаваніе латинскаго языка, но „по нежеланію родителей“ было вскорѣ оставлено. Новая попытка, сдѣланная въ 1796 г. была столь же неудачна.

* О пройденномъ въ 1804—1809 г.г. см. въ архивѣ книгу Историч. Записокъ стр. 58, 79, 108, 181, 285, 242, 250, 268, 271 и 276.

Рапиновъ въ IV кл. иногда проходилъ съ учениками начальныя основанія алгебры и пополнялъ курсъ физики новыми свѣдѣнiями.

Каждая осмысленная, расчитывающая на долговѣчность школа должна примкнуть къ одному изъ двухъ школьных типовъ—реальному или формальному. Реальное образование направлено на изученiе всякаго рода фактическихъ данныхъ, будь это факты изъ внѣшняго міра или догматы человѣческихъ вѣрованiй, реальная школа учитъ, научаетъ тому, что людямъ извѣстно въ мірѣ дѣйствительномъ и въ мірѣ идей: формальное же образование имѣетъ въ виду культуру духа человѣческаго и главнымъ образомъ культуру его воли, формальная школа наставляетъ и совершенствуетъ. Формальная школа агитируетъ среди учениковъ, реальная даетъ имъ знанiя. Присматриваясь къ курсу главныхъ народныхъ училищъ, не можемъ не видѣть, что они примыкаютъ къ реальному училищному типу, и въ этомъ отношенiи они даже много послѣдовательнѣе современныхъ реальныхъ училищъ, сдѣлавшихъ значительныя уступки формальному образованию. Весь курсъ главныхъ училищъ направленъ къ сообщенiю какъ можно большаго количества свѣдѣнiй, при томъ такихъ, которыя имѣютъ наиболѣе практическое и наименѣе теоретическое значенiе. Въ исторiи и географiи дается огромная масса фактическихъ данныхъ, которыхъ вовсе не требовалось осмыслять, а только усвоить на память; математическія науки, предметъ вполне формальнаго характера, сообщаются почти догматически, безъ доказательствъ и не имѣютъ въ виду развить въ учащихся методъ прилежанiя математическихъ теоремъ и формулъ къ рѣшенiю разнообразныхъ задачъ; даже и элементарный курсъ алгебры опущенъ; совершенно отсутствуетъ изученiе литературы какъ искусства и какъ выразительницы идей извѣстнаго времени; изученiе родного языка слабо до того, что въ школахъ даже нѣтъ никакой христоматiи; самостоятельно существуютъ прикладныя науки въ родѣ механики, архитектуры, домоводства, медицины (естественная исторiя). Такою и должна быть школа при своемъ зарожденiи, пока въ общество не проникнетъ потребность широкой умственной, философской дѣятельности, находящей удовлетворенiе въ самой себѣ независимо отъ ея практическаго при-

ложения, пока не явилось пресыщенія массою механически и безцѣльно соединенныхъ между собою знаній.

Имѣя лишь одно стремленіе—сообщать свѣдѣнія, учебники главныхъ народныхъ училищъ избѣгаютъ давать ученикамъ трудныя задачи для ихъ мысли и потому всѣ безъ исключенія отличаются замѣчательною простотою и ясностью изложенія. Изъ книгъ почти совершенно устраняется характеръ живого разсужденія, характеръ доказательности, и они представляютъ собою въ сущности, какъ мы сказали выше, энциклопедію знаній, справочную книжку по разнымъ отраслямъ знанія, для большей ясности раздѣленную даже на параграфы. Всѣ учебники написаны старательно и хорошо, но во всѣхъ ихъ проходитъ одинъ и тотъ же взглядъ.

Ясно, какого рода приемы преподаванія должны были развиться на почвѣ такого курса. Если я не имѣю въ виду никакихъ формальныхъ цѣлей, въ видѣ напр. передачи навыка въ самостоятельной мысли, развитія памяти, воображенія, то приму на себя единственную заботу коротко и ясно передать извѣстный рядъ свѣдѣній; достаточно отмѣтить въ учебникѣ, что ученики должны въ извѣстное время пройти, и потребовать, чтобы они это усвоили и запомнили. Въ главномъ народномъ училищѣ учитель никогда не „разсказывалъ“, не разъяснялъ урока, а только читалъ его съ учениками по книжкѣ и заставлялъ пересказывать тутъ же въ классѣ, до тѣхъ поръ, пока все не будетъ усвоено. Учитель въ лучшихъ случаяхъ еще принималъ на себя кой-какой контроль надъ пониманіемъ учениками того, что напечатано въ учебникѣ, но никакой переработкѣ, никакимъ логически-формальнымъ экспериментамъ текста учебника онъ не подвергалъ. Каждый урокъ прочитывалось и запоминалось извѣстное число параграфовъ учебника—и все кончено, ученикъ и учитель исполнили свою обязанность *).

Все же въ дѣлѣ разработки приемовъ преподаванія училищный уставъ 1786 г. дѣлаетъ большой шагъ впередъ. Такъ „Руководство учителямъ народныхъ училищъ“ рекомендуетъ, чтобы ученики занимались не каждый порознь, а всѣ вразъ однимъ и тѣмъ же (иначе говоря, требуетъ чтобы ве-

*. Принципъ: „L'école c'est le maitre“ есть созданіе новой школы. Старая школа сказала бы: „Школа—хорошее руководство“.

лось „совокупное наставленіе“, принятое теперь во всѣхъ школахъ, но ранѣе составлявшее видную педагогическую новинку) и чтобы каждая статья читалась хоромъ учениками по 10—18 разъ, такъ чтобы они „научились разумѣть и почти выучили наизусть непримѣтнымъ образомъ *все тѣ нужныя и полезныя познанія, которыя въ книгахъ для чтенія употребляемыя находятся*“ *). Кроме того руководство указываетъ слѣдующіе два, очень любопытные методическіе приема: изображеніе чрезъ начальныя буквы и таблицы. Первый состоялъ въ томъ, что заучиваемый наизусть текстъ записывался на классной доскѣ первыми буквами каждаго слова и до тѣхъ поръ былъ повторяемъ по этимъ знакамъ, пока окончательно не заучивался. Этотъ приемъ предоставлялся примѣнять и при катихизисѣ, и при письмѣ (ореографіи), и при арифметикѣ. Таблицы писались на классной доскѣ двумя способами: уступами (какъ нынѣ пишутся планы сочиненій) или при помощи скобокъ; текстъ записывался начальными буквами. Чтобы слѣдить, понимаетъ ли ученикъ текстъ и помнить ли его, требовалось прибѣгать къ „вопрошенію“, т. е. къ мелкимъ, дробнымъ вопросамъ, причемъ полагалось дополнять не достаточно усвоенное учениками. Впрочемъ „отмѣтокъ“ въ ту пору вовсе не существовало **), и ученикъ не имѣлъ основанія трепетать за каждую фразу своего отвѣта. Развѣ только побранить учитель, или же приметъ мѣры отеческаго внушенія: порядокъ выгодный для учениковъ и весьма невыгодный для учителя, почему изобрѣтеніе цифровыхъ отмѣтокъ и экзаменовъ составляетъ великое явленіе въ жизни собственно учительской. Новая школа сдѣлала и дальнѣйшія завоеванія въ области обученія къ выгодѣ обучающихся. Екатерининская школа не имѣла понятія о домашнемъ приготовленіи уроковъ, столь облегчающемъ въ настоящее время учительскій трудъ. Никакими силами и мѣрами нельзя было

*) Очень характерное выраженіе.

**) По уставу учитель ежедневно долженъ былъ отмѣтить въ особой таблицѣ небытіе учениковъ, ихъ лѣность и прилежаніе, поздній приходъ и въ концѣ мѣсяца подавать ее въ видѣ рапорта о занятіяхъ директору. Въ томъ же рапортѣ дѣлались замѣтки о способностяхъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ въ видѣ такихъ произвольныхъ характеристикъ: „остръ, понятенъ, забывчивъ, нерадивъ, посредственъ, забіячливъ, рѣзавъ, хорошъ“ и пр.

заставить учениковъ взяться за книжку дома *). Ученье, состоявшее изъ безконечнаго заучиванья огромной массы фактовъ, могло имѣть только принудительный, насильственный характеръ, и нужно было постоянное и близкое присутствіе карающей десницы, чтобъ поддерживать къ нему вниманіе. „Учились“ въ старое доброе время только въ школѣ, подъ надзоромъ „учителя“, и потребовался цѣлый вѣкъ, чтобы кореннымъ образомъ измѣнить этотъ, ставшій традиціоннымъ взглядъ на школьныя занятія—перенести центръ обученія изъ школы на домъ. Въ погонѣ за облегченіемъ своего труда учителя въ наше время такъ далеко ушли, что замѣтно начинается реакція въ пользу учениковъ, и потому вопросъ о постановкѣ исключительно классныхъ занятій въ старой школѣ имѣетъ для насъ современный живой интересъ.

Полагалось шесть часовъ учебнаго труда въ день, три до обѣда, три послѣ обѣда. Такъ какъ, повторимъ еще, не было идеи формальнаго развитія, а преслѣдовалось лишь усвоеніе знаній, то не существовало свойственнаго современной школѣ стремленія разнообразить занятія; ученика не отрывали отъ его дѣла до тѣхъ поръ, пока всѣ въ классѣ не усваивали положеннаго на одинъ разъ. Конечно, при различіи способностей учениковъ усвоеніе одного и того же текста было дѣломъ очень мѣшкотнымъ, и потому каждый урокъ длился по 3 часа сразу; такимъ образомъ въ день назначались для занятій только два предмета **). Перемѣнъ не существовало.

По существу противъ такого порядка занятій трудно возражать, такъ какъ онъ очевидно имѣетъ значительныя достоинства, но нельзя не видѣть, что выполненіе его требуетъ значительной талантливости со стороны учителя. Нужно, чтобы онъ обладалъ способностью передавать свой предметъ вполне ясно, чтобы онъ прекрасно владѣлъ классною дисциплиною и умѣлъ экономно распоряжаться временемъ; отъ него требуется спокойствіе, ровное настроеніе духа и настойчивость. Конечно, весьма рѣдкіе учителя того времени имѣли

*). Казенныя книги такъ и оставались всегда въ школѣ. Каждый урокъ начинался раздачею этихъ книгъ бѣднѣйшимъ ученикамъ.

**). Такъ было въ Вятскомъ главномъ училищѣ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Въ другихъ мѣстахъ на урокъ полагалось обыкновенно два или даже полтора часа, особенно въ низшихъ классахъ.

эти достоинства. Начать съ того, что хотя всё они были воспитанниками учительской семинаріи, гдѣ обучались новымъ приѣмамъ преподаванія, которыми требовалось разъяснять ученикамъ текстъ и заставлять всёхъ работать одновременно, въ дѣйствительности они вводили въ школу порядки прожденной ими раньше бурсы и домашней школы: смѣшно взрослому человѣку растолковывать съ малыми ребятами о томъ, что такъ само по себѣ просто и ясно—дать имъ книжку, дать указку, и учись! Насъ такъ же учили, и выучили же. Добрыя указанія „Руководства для учителей“ оставались втунѣ, и въ школѣ въ сущности царила зубрежка: она проще для учениковъ и легче для учителя. Учитель ограничивался отмѣчиваніемъ урока по книгѣ и спрашиваніемъ выученнаго; наиболѣе добросовѣстный дѣлалъ это самъ, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ выпрашиваніе возлагалось на старшихъ учениковъ, и учитель, ходя по классу, слѣдилъ лишь затѣмъ, чтобы всё были заняты дѣломъ. Чѣмъ этотъ порядокъ занятій отличался отъ бурсы или старой дьячковской школы? *). Многие, ослѣпляемые публичными испытаніями, долгое время думали, что все обстоитъ благополучно, тѣмъ болѣе, что непосредственнаго надзора за преподаваніемъ не было. Только въ 1810 г. министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій открыто заявилъ попечителямъ, что вмѣсто осмысленнаго усвоенія наукъ онъ замѣчаетъ въ школахъ одно механическое зубреніе ихъ, и очень удачно объясняетъ это явленіе тѣмъ, что такой ходъ занятій легче для учителей. По этому случаю онъ предписалъ, чтобы директора и визитаторы обратили особое вниманіе на это обстоятельство, чтобы на испытаніяхъ требовались осмысленные отвѣты и спрашивались бы ученики посторонними лицами и другими учителями и чтобы при назначеніи учителей обращалось вниманіе на то, насколько они усвоили разумные методы занятій. Но новому суждено было сложиться лишь вдолгъ послѣ того, такъ какъ ничто значительное въ жизни не слагается разомъ.

Вотъ картинка зимнихъ послѣобѣденныхъ занятій въ

*) Даже въ самомъ „Руководствѣ“ мы находимъ фразу: „При совокупномъ наставленіи дѣти научатся скорѣе и легче, а учитель не имѣетъ больше нужды на недѣляющихъ ничего столь часто кричать“ (стр. 51).

Вятской главной школѣ, какъ она представляется нашему воображенію. Передъ нами тѣсная, грязная комната съ нѣсколькими тѣсно уставленными, длинными предлинными убогими „партами“, исчерканными и исполосованными во всѣхъ направленіяхъ; на партахъ расцѣлось плечо о плечо 50 *) живыхъ мальчугановъ, скованныхъ присутствіемъ учителя и учебникомъ. Въ засаленныхъ и истрепанныхъ своихъ книжкахъ они уже отмѣтили то, что задалъ учитель выучить, и уже отбываютъ свою работу—зубрятъ, заботясь лишь о томъ, чтобы при помощи испытанныхъ неоднократно ухищреній взять поскорѣе заданное на память и дать себѣ загѣмъ какой-нибудь отдыхъ, или по крайней мѣрѣ выучить настолько, чтобы избѣжать на сегодня наказанія; гуль стоитъ въ школѣ отъ молодыхъ голосовъ, такъ какъ зубрить не возможно про себя, да и учитель требуетъ непрерывнаго голошенія. Вечеромъ не такъ шалится ученикамъ, какъ утромъ, но, посмотрѣвъ на увлеченныхъ своимъ занятіемъ дѣтей, вы подумали бы, что всѣ они либо разыгрываютъ какую-нибудь странную роль, каждый свою, либо шалятъ изысканнымъ образомъ, либо всѣ находятся въ какомъ-нибудь непокойномъ болѣзненномъ расположеніи: всякій учится по своему, всякій, стараясь помочь себѣ голосомъ и тѣлодвиженіями, разнообразить ихъ на свой манеръ. Одинъ раскачивается всѣмъ маленькимъ своимъ тѣломъ, другой зубритъ закрывъ глаза и покачивая въ тактъ головою, третій крѣпко опирается на сосѣдную парту спиною и прячетъ въ карманы свои руки, четвертый устремилъ глаза на одну точку и безпокойно перебираетъ руками, хватаясь за себя и за парту гдѣ ни попало, пятый сидитъ странно неподвижно, шестой мозолить и терзать листы книги... Каждый занятъ своимъ дѣломъ, и нѣтъ между этими дѣтьми ничего общаго, кромѣ партъ, ихъ соединяющихъ и одной и той же страницы учебника, каждый занимается про себя и для себя, общей классной умственной работы нѣтъ. Ученикамъ немного мечтается, но въ то же время они сами довольны, что ведутъ себя благоправно. На самомъ дѣлѣ это благоправіе только сравнительное—дѣти пользуются и теперь всякимъ случаемъ развлеченія, а когда такихъ случаевъ нѣтъ, толкаются и послѣ жалуются другъ

*) Такое число учениковъ рѣдко бывало въ одномъ классѣ.

на друга, лазять подъ партами; но все это только легкая рябь въ бурномъ школьномъ морѣ, и учитель не можетъ не быть доволенъ поведеніемъ своихъ учениковъ. Учитель, сидя за своимъ столомъ и расхаживая по классу, лишь слегка слѣдитъ за учениками; онъ радъ нѣкоторому затишью и занятъ не столько ими, сколько житейскими думами и мечтами о посто­роженемъ. Учитель твердо помнить, что его обязанности есть только обязанности контролера: все, что надо знать, написано въ книгѣ, и ему нѣтъ никакой нужды что нибудь объяснять или дополнять—это и не въ привычку, и не нужно, и слиш­комъ много будетъ, и произведетъ лишь безпорядокъ. Когда прилежные ученики кончили зубреніе и уже начали сильно скучать и даже пошаливать, учитель увидѣлъ, что онъ дол­женъ приступить къ важнѣйшему акту своихъ контролер­скихъ обязанностей—выспрашиванію. По требованію его классъ смолкаетъ, и начинается переспрашиванье выученнаго, каждо­го ученика въ одиночку, съ первой строки до послѣдней; отъ остальныхъ учениковъ требуется только одно—чтобы они си­дѣли тихо и ждали своей очереди быть спрошенными. Уче­ники болѣе или менѣе выспрошены, классъ близится къ кон­цу и наконецъ учитель даетъ приказаніе собираться домой, которое исполняется чрезвычайно поспѣшно и охотно. Безу­частво и спѣшно читаютъ молитву, выходитъ учитель, а за нимъ, шума и толкаясь, ученики. Классъ опустѣлъ. Сторожъ подметаетъ на полу и тушитъ свѣчки. Со свѣчами ему не­много возни, такъ какъ ихъ приказъ отпускаетъ лишь такое количество, безъ котораго совершенно не можно быть. Ни учитель, ни ученики не думаютъ объ урокѣ, какъ счастли­цы, благополучно кончившіе обязательное дѣло. Учитель да­же доволенъ, такъ какъ урокъ былъ добрый.

По средамъ и субботамъ послѣ обѣда „въ видѣ отдох­новенія“ шли по два часа уроки рисованія, во всѣхъ клас­сахъ (кромѣ перваго) одновременно.

IV. Открытыя испытанія и переводные экзамены.

Необходимость дѣятельнаго наблюденія за ходомъ заня­тій въ училищѣ; невозможнаго для высшаго начальства, и важность привлеченія къ школьному дѣлу общественнаго гни­манія создала любопытное, неизвѣстное современнымъ шко-

ламъ явленіе—такъ называемыя открытыя испытанія. Почти для той же цѣли въ старыхъ академіяхъ и семинаріяхъ введены были драматическія представленія, но и „открытыя испытанія“ заключали въ себѣ изрядную долю театральности.

Официальныя представленія, называемыя открытыми испытаніями, давались два раза въ годъ—зимою, до Рождества или послѣ него, и лѣтомъ, около Петрова дня, и составляли самое значительное событіе въ годичной жизни, почему училище и готовилось къ нимъ самымъ тщательнымъ образомъ. Еще задолго до опредѣленнаго срока учителя садились за составленіе рѣчей и стиховъ для себя и для учениковъ, ученики начинали самымъ отчаяннымъ образомъ зубрить назначенныя отдѣлы изъ учебниковъ, спѣваться и репетировать рѣчи. Наконецъ директоръ докладывалъ губернатору, что все готово, и просилъ назначить время испытанія. Переговоривъ съ губернаторомъ, онъ отправлялся въ приказъ и просилъ разослать чиновникамъ города и важнѣйшимъ изъ гражданъ повѣстку съ извѣщеніемъ о назначенномъ днѣ, что приказъ и исполнялъ сперва черезъ своихъ служителей, а позднѣе черезъ полицію. Далѣе директоръ являлся къ преосвященному, къ архимандриту Успенскаго монастыря и къ ректору семинаріи съ приглашеніемъ посѣтить училище и затѣмъ дѣлалъ необходимыя приготовленія въ помѣщеніи училища для приѣма гостей. Парты выносились и замѣнялись мебелью.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ публичныя испытанія происходили по праздникамъ послѣ обѣда, но потомъ установился другой порядокъ—стали назначать ихъ по утрамъ съ 10 ч., выбирая для этого наиболѣе свободные дни.

Такъ какъ учрежденіе школъ было дѣломъ совершенно официальнымъ и вызвано волею правительства, то должностныя лица города посѣщеніе ихъ во время открытаго испытанія считали одною изъ своихъ непремѣннѣйшихъ обязанностей, являлись сюда довольно аккуратно и въ мундирахъ. Кромѣ того, при отсутствіи въ городѣ развлеченій и однообразіи общественной жизни, актъ въ училищѣ какъ своеобразное зрѣлище не могъ не привлекать самъ по себѣ, а примѣръ начальства значилъ еще болѣе. Губернаторъ былъ первымъ и непремѣннымъ посѣтителемъ открытыхъ испытаній,

какъ попечитель училища, порученнаго нѣкоторой его заботливости. Насколько присутствіе начальника губерніи было необходимою, настолько участіе въ открытомъ испытаніи пресвященнаго и важнѣйшаго духовенства украшало его. Какъ спеціалисты дѣла, неизмѣнными посѣтителями были также учителя семинаріи. Хотя испытанія были открыты для всѣхъ, но осмѣливались являться на нихъ далеко не всѣ—именно почти совершенно отсутствовали элементъ гражданства, купцовъ и мѣщанъ. Школьные отчеты постоянно жалуются, что родители учащихся не вознамѣрились посѣтить училище въ день испытанія ихъ дѣтей, хотя и были извѣщены черезъ послѣднихъ. Впрочемъ само собою установилось такъ, что чиновенство присутствовало болѣе на лѣтнемъ испытаніи, а родителямъ гражданъ предоставлялось зимнее, имѣвшее менѣе оффиціальныи характеръ и считавшееся менѣе важнымъ *). Ученики, возможно принаряженные заботливостью матерей, въ ожиданіи своей очереди отвѣчать, стояли шпалерами вдоль стѣны и вѣроятно очень тѣснились. Иногда губернаторъ, въ видѣ особенной любезности училищу (это было въ началѣ, напр. въ 1789 и 1790 г.г.), назначалъ испытаніи у себя на дому въ „тронной“ залѣ, иногда для той же цѣли уступалъ свое помѣщеніе приказъ, и въ этихъ случаяхъ тѣснота не такъ чувствовалась, хотя въ то же время переменна привычной обстановки не могла не отразиться на толковости отвѣтовъ учениковъ и даже на развязности учителей. Учителя являлись на испытаніе въ лучшихъ своихъ кафтанахъ и вѣроятно становились каждый съ своимъ классомъ.

Обыкновенно испытаніе начиналось привѣтственною рѣчью къ посѣтителямъ или такого же содержанія стихами, которые произносилъ директоръ, учитель или лучший ученикъ. Иногда привѣтственно-благодарственная рѣчь замѣнилась какимъ-нибудь разсужденіемъ, преимущественно на тему объ образованіи, но какую бы тему ни избралъ произносившій рѣчь, онъ долженъ былъ сумѣть вставить въ нее горячую благодарность монархинѣ, матери отечества, или императору

*). Въ Вятскомъ главномъ училищѣ зимнія испытанія вообще проходили мало, такъ какъ публики собиралось вслѣдствіе „нестерпимой“ стужи въ помѣщеніи училища очень мало.

Александрю Павловичу. Выражаясь слогомъ официальныхъ отчетовъ, рѣчи и стихи эти „содержали благодарное изліяніе сердець юношества къ щедротамъ великія Императрицы и къ почтеннымъ посѣтителямъ удовольствованное чувствованіе“. Вообще рѣчей посѣтители открытыхъ испытаній слышали много, и всѣ онѣ были такъ кратки, что не утомляли вниманія и такъ туманны въ тоже время, что оставляли выгодное впечатлѣніе. Второй директоръ училища, Рапиновъ, старался блеснуть болѣе всего рѣчами, но первый, Стефановичъ, умѣлъ экзаменное представленіе разнообразить пѣніемъ и музыкой. При немъ вмѣсто первой рѣчи шло пѣніе спеціально сочиненнаго канта.

Послѣ той или другой увертюры, начиналось самое испытаніе, предъ которымъ директоръ раздавалъ посѣтителямъ печатную программу испытанія, служившею для нихъ вещественнымъ воспоминаніемъ объ актѣ, какъ меню съ параднаго обѣда. Программа представляла собою листъ синей, почти обыкновеннаго писцаго формата бумаги, на первомъ листѣ котораго помѣщался какой-нибудь текстъ, а на второмъ указаніе порядка и темъ испытанія. Вотъ текстъ программы 1807 г., не болѣе темный и загадочный, чѣмъ обыкновенно.

„Смертный, божественною благодатию возванный на поприще свѣта, всегда стремить свои склонности и понужденія къ тому, дабы собирать удовольствія земныя. Естественная сила влеченія его есть всеобщая цѣль бытія человѣческаго, въ вихрѣ которой вращается онъ непрерывно по различнымъ направленіямъ,—по различнымъ путямъ въ вертегѣ жизни его; даже самая смерть ловить его на томъ бѣгу еще за чѣмъ-нибудь, чего онъ имѣть надѣялся.

„Сей великій урокъ, заданный ему отъ природы, чѣмъ болѣе въ продолженіи жизни занимаетъ его, тѣмъ болѣе распаллетъ его воображеніе; и нерѣдко, смѣсивъ оное, располагаетъ ходъ его по зыбкимъ, по опаснымъ стезямъ. Таково есть стремленіе тиранновъ, сильно напрягаемое корыстолюбіемъ, славою завоеванія, славою обладанія, которой трофеи суть постыдная тираннія, также и несносное порабощеніе челоуѣчества.

„Въ грядущій вѣкъ всѣ народы ясно увидѣли сего талала, жаждущаго многокорыстныхъ обладаній. Мудрые цари

... (faint, mostly illegible text)

... (faint, mostly illegible text)

... (faint, mostly illegible text)

... (faint, mostly illegible text)

Торжество испытанія было не полно, если присутствующая публика устами губернатора или других почетных посѣтителей не выразила учителямъ благодарности за успѣхи, и сами маленькіе актеры уходили неудовлетворенными, если имъ не похлопали. Въ документахъ вы постоянно встрѣчаете заботливое упоминаніе, что „въ продолженіи испытанія его превосходительство и вся почтенная публика, бывъ растроганы въ сердцахъ своихъ успѣхами обучающагося юношества, изъявили свою признательность директору и учителямъ и учащимся и запечатлѣли оную истинною своею благодарностью“. Послѣ небольшого совѣщанія между подлежащими лицами, директоръ торжественно читалъ фамиліи отличившихся учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ тутъ же награждались книгами, купленными на счетъ щедрости кого-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей или приказа. При бѣдности тогдашней нашей литературы, ученики получали въ награду нерѣдко очень неподходящія книги, въ родѣ „Жизнь Маріи Терезіи“, „Прочти меня на досугѣ“, „Письмо бар. Гольберта о сраженіи Петра Великаго съ Карломъ XII“ или даже „О дубовыхъ желудяхъ“ *). При выборѣ книгъ, вѣроятно, много значила и сравнительная цѣна ихъ, такъ какъ награждаемыхъ всегда было много, а для награжденія назначалось обыкновенно 25 руб. асс. Кромѣ книгъ ученики награждались иногда и иначе, напр. платьемъ, но лучшей наградой для нихъ было, конечно, вниманіе начальства, благодаря которому бѣднымъ ученикамъ можно было рассчитывать тотчасъ же на полученіе мѣста въ той или другой канцеляріи.

Испытаніе заканчивалось чаще всего „диссертациею“ на ученую тему одного изъ учителей, иногда заключительнымъ словомъ директора, обращеннымъ и къ посѣтителямъ, и къ учителямъ, и заключающимъ въ себѣ благодарность тѣмъ и другимъ. Изрѣдка обращался съ приличною рѣчью къ ученикамъ преосвященный; иногда испытаніе заканчивалось пѣніемъ канта, и уже болѣе ничего не слѣдовало. Если публика не была слишкомъ утомлена (обыкновенно испытанія продолжались 3 часа) и дозволяло время, директоръ показывалъ кабинеты училища, стараясь расположить къ нимъ присутствующихъ.

*) Юрьевъ, стр. 57.

поразумѣли, что умыслилъ надмѣнный галлъ? и воспламенились совокупно защищать священныя права человѣчества и благоденствія своихъ народовъ, такъ какъ и нашъ всемилостивѣйшій монархъ Александръ благополучно отражаетъ того всемірнаго рушителя спокойствія. Онъ по непримѣрной любви своей къ роду человѣческому возложилъ на рамена свои всю тяжесть судьбы народовъ и является самъ на марсовомъ полѣ, гдѣ бурный колоссъ готовится пожинать лавры побѣды.

„О вы, сыны Россіи, благоденствующіе подъ скипетромъ мудраго царя вашего, стремите свои добрыя склонности на приобрѣтеніе собственнаго своего счастья, благополучія. Геній любезнаго отечества нашего, обильно изливая благость свою на насъ, паче еще умножитъ благоденствіе наше во дни мира“.

Испытывались ученики сначала младшихъ классовъ и наконецъ IV-го. Предъ испытаніемъ каждаго класса было обыкновеніе либо учителю этого класса, либо—что бывало чаще—одному изъ лучшихъ учениковъ говорить рѣчь или читать стихи. Въ этихъ рѣчахъ ученики обыкновенно описывали мрачными красками свое прежнее невѣжество и обращались къ посѣтителямъ съ приглашеніемъ посмотрѣть, какъ они теперь успѣли въ наукахъ. По смыслу открытаго испытанія предлагать ученикамъ вопросы могъ каждый изъ присутствующихъ, но вѣроятно развѣ только изрѣдка вмѣшивался пресвященный, губернаторъ или кто-нибудь изъ почетнѣйшихъ и образованнѣйшихъ посѣтителей. Ученикъ подходилъ къ столу, бралъ свой билетъ и отвѣчалъ на него, по возможности смѣло, четко и весело, и, выслушавъ въ заключеніе обычное: „довольно“! уходилъ, уступая свое мѣсто другому. Кому отвѣчалъ ученикъ и какое именно участіе принималъ въ испытаніи самъ учитель, мы не знаемъ.

Открытое испытаніе ничуть не имѣло характера переводнаго или выпускнаго экзамена, назначаясь лишь для показанія избранныхъ плодовъ просвѣщенія, и потому для него готовился не весь курсъ, а одни „избранныя, только интереснѣйшія и привлекающія вниманіе познанія и науки“. Интересъ публики сосредоточивался преимущественно на отвѣтахъ учениковъ IV кл., которые и завершали самое испытаніе.

Торжество испытанія было не полно, если присутствующая публика устами губернатора или другихъ почетныхъ посѣтителей не выразила учителямъ благодарности за успѣхи, и сами маленькіе актеры уходили неудовлетворенными, если имъ не похлопали. Въ документахъ вы постоянно встрѣчаете заботливое упоминаніе, что „въ продолженіи испытанія его превосходительство и вся почтенная публика, бывъ растроганы въ сердцахъ своихъ успѣхами обучающагося юношества, изъявили свою признательность директору и учителямъ и учащимся и запечатлѣли оную истинною своею благодарностью“. Послѣ небольшого совѣщанія между подлежащими лицами, директоръ торжественно читалъ фамиліи отличившихся учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ тутъ же награждались книгами, купленными на счетъ щедрости кого-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей или приказа. При бѣдности тогдашней нашей литературы, ученики получали въ награду нрѣдко очень неподходящія книги, въ родѣ „Жизнь Маріи Терезіи“, „Прочти меня на досугъ“, „Письмо бар. Гольберта о сраженіи Петра Великаго съ Карломъ XII“ или даже „О дубовыхъ желудяхъ“ *). При выборѣ книгъ, вѣроятно, много значила и сравнительная цѣна ихъ, такъ какъ награждаемыхъ всегда было много, а для награжденія назначалось обыкновенно 25 руб. асс. Кромѣ книгъ ученики награждались иногда и иначе, напр. платьемъ, но лучшей наградой для нихъ было, конечно, вниманіе начальства, благодаря которому бѣднымъ ученикамъ можно было рассчитывать тотчасъ же на полученіе мѣста въ той или другой канцеляріи.

Испытаніе заканчивалось чаще всего „диссертациею“ на ученую тему одного изъ учителей, иногда заключительнымъ словомъ директора, обращеннымъ и къ посѣтителямъ, и къ учителямъ, и заключающимъ въ себѣ благодарность тѣмъ и другимъ. Изрѣдка обращался съ приличною рѣчью къ ученикамъ преосвященный; иногда испытаніе заканчивалось пѣніемъ канта, и уже болѣе ничего не слѣдовало. Если публика не была слишкомъ утомлена (обыкновенно испытанія продолжались 3 часа) и дозволяло время, директоръ показывалъ кабинеты училища, стараясь расположить къ нимъ присутствующихъ.

*) Юрьевъ, стр. 57.

Какого результата достигали публичные испытанія, стоившія столь напряженнаго труда и такой траты времени для учащихся и для учащихся? Оправдывались ли надежды, возлагаемыя на нихъ уставомъ? Можно сказать, что да. Несмотря на всю театральность, такія испытанія дѣйствительно поддерживали вниманіе къ школѣ мѣстныхъ жителей, ярко представляя предъ ними ея живенность, составляли довольно хорошій контроль надъ школами со стороны всего общества. держа цѣлый годъ учениковъ и учителей въ напряженіи, и кромѣ того были полезны тѣмъ, что выдвигали изъ среды учениковъ способнѣйшихъ.

Вотъ нѣкоторыя дополнительные данныя для исторіи публичныхъ испытаній въ Вятскомъ главномъ училищѣ за разное время. Въ концѣ перваго года открытаго испытанія не было „за тѣсною училищнаго дома“, но присутствіе генераль-губернатора сдѣлало то, что зимнія испытанія слѣдующаго учебнаго года уже состоялись. Кромѣ кн. Мещерскаго, Желтухина и епископа Лаврентія на испытаніи этомъ присутствовало много гражданъ. „По окончаніи испытанія—читаемъ мы въ отчетѣ о немъ—слышенъ былъ отъ всѣхъ присутствующихъ особъ благодарный отзывъ. Родители же и ближніе, взирая на оныхъ птенцовъ сихъ, кои прежде сего по стогнамъ града въ превратномъ и жалостномъ видѣ къ общему устыденію пресмыкались, а нынѣ уже иные изъ нихъ въ чтеніи, письмѣ, искусствѣ рисовальномъ упражняются, а другіе ариметикѣ, геометріи, географіи, катихизису и исторіи обучаются,—восхищались, благодаря Творца и Бога, что во дни Екатерины II-й для преобразования сердецъ и разума открыта дорога“ *). Епископъ Лаврентій тутъ же пожаловалъ учителямъ 25 руб. черезъ директора въ видѣ подарка. Зимнее испытаніе 1790 г. происходило также въ присутствіи кн. Мещерскаго, въ домѣ намѣстника. Публика явилась только избранная. Директоръ Стефановичъ произнесъ рѣчь о виновницѣ російскаго блаженства. „Дѣти, восхищаясь посѣщеніемъ знаменитыхъ особъ, одинъ передъ другимъ старались оказать себя въ знаніи успѣшными“. Кажется, что съ этого года инструментально-вокальная часть испытаній становится обычно во все продолженіе директорства Стефано-

*) Юрьевъ, стр. 20.

вича. Лѣтнее испытаніе 1790 г. происходило въ тронной залѣ генераль-губернаторскаго дома. Началось оно инструментальною и вокальною музыкою и тѣмъ же кончено. Рѣчи говорились учителемъ IV кл. и учениками всѣхъ классовъ. Тема рѣчей—благодѣянія Императрицы. Для музыки вновь сочинены были два канта. На лѣтнемъ испытаніи 1791 г. также пѣлись канты. Одинъ изъ нихъ начинается словами: „Сто кратъ блаженный градъ, блаженна Вятка нынѣ“; блаженство ея заключается въ томъ, что „всякъ полъ и всякій родъ течетъ во храмъ ученья, исполненъ ревности, исполненъ и веселья“. Второй кантъ, сгѣтый въ концѣ испытанія, патетически восклицаетъ: „что драгоцѣннѣе на свѣтѣ быти можетъ, какъ звѣсти чадъ своихъ перерожденныхъ вновь“? *).

Въ 1792 году на публичномъ испытаніи кромѣ рѣчей, чтенія стиховъ, кантовъ и разговоровъ между учениками, былъ еще для удовольствія согражданъ и „удивленія единоплемениковъ“ представленъ эстампъ, разрисованный сухими красками. Вотъ его описаніе: „При сіяніи, изъ облаковъ простирающимся отъ вензелеваго имени виновницы (Екатерины), среди склонившейся доли равнины, представленъ былъ глобусъ и вокругъ его разнаго званія дѣти, изъ которыхъ каждый имѣлъ при себѣ орудія наукъ: иной держалъ циркуль, которымъ дѣлалъ на глобусѣ измѣренія для означеннаго искомаго имъ пространства на ландкартѣ, другой, разсматривая сферу, примѣчалъ круговое обращеніе планетъ, третій, окруживъ себя математическими тѣлами и держа въ рукахъ квадрантъ, занимался геометрическими упражненіями; иной со вниманіемъ смотрѣлъ сквозь поставленную астролябію, и, поддерживая ее одной рукой, въ другой имѣлъ книгу съ перомъ, въ которую вносилъ какъ бы то, что находилъ достойнаго вниманія, другой углубился въ компасъ и казался былъ въ великомъ удивленіи, что нужное это изобрѣтеніе было слѣдствіемъ усовершенствованія кораблеплаванія... Другой показывалъ себя разсматривающимъ термометръ, при домѣ на открытомъ воздухѣ висящій для разузнаванія разности погодъ. По сторонамъ, въ виду юношества означенный законъ доказывалъ положенные труды для благовоспитанія гражданина и мраморный монументъ,—представляющій вкусъ въ зодче-

*) Напечатаны вполнѣ у Юрьева, стр. 50.

ствѣ и непоколебимость мѣстопробыванія своего,—означалъ просвѣщеніе. Домъ представлялъ храмъ, наукамъ посвященный. Каскадь,—простирающійся обильными струями и орошающій бесплодную при корени стоящую часть дерева, которое, питательною влагою и теплотою солнечною будучи оживотворено, пускало цвѣтущіе отпрыски,—изображалъ: что Россія, облагодотворенная щедротами Екатерины, въ молодыхъ своихъ сочленахъ узрѣла свѣтъ новаго преобразования. Въ отдаленной нѣскольکو долинь на обучающееся юношество съ любопытствомъ взираетъ собраніе людей, изъ коихъ двое поселянъ, достигнувшіе глубокой старости, но будучи невѣжественны, узрѣвъ молодыхъ своихъ соотичей, завидовали блаженной участи Росса“... Въ верху эстампа подъ вензелевымъ именемъ надпись:

„Что дѣдъ или отецъ за чудо почиталъ,

„То внукъ иль сынъ въ Екатерининъ вѣкъ узналъ“...

Кантъ этого года между прочимъ говорить: „Россъ ужъ нынѣ просвѣтился, суевѣръ прочъ удаленъ, образъ мыслей премѣнился, храмъ наукъ всѣмъ отворенъ. Воинъ, жрецъ тамъ съ дворяниномъ, земледѣлецъ съ мѣщаниномъ образуются въ предметахъ“ *).

На эстампѣ 1795 г. изображенъ былъ храмъ, сводъ коего, озаренный свыше свѣтомъ, представлялъ кругообращеніе планетъ системы солнечной, поддерживаемой 4-мя столбами, съ означеніемъ стихій, изъ коихъ Зиждитель составилъ чудную и стройную міра сего громаду. По сторонамъ храма изображены были время и вѣчность. По срединѣ храма на жертвенникѣ разогнутыя лежали 2 книги: книга *природы* и книга *откровенія*. Благодѣтельницающіе гени рукою указываютъ на книги, съ таковымъ изреченіемъ: *возри, разумьвай и умудрись*. Эстампъ представлялъ сіянье изъ облаковъ простирающееся, въ которомъ видимо изображеніе еврейскими буквами „*Гюова*“, подъ нимъ надпись: „Всякъ даръ совершенъ свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ“. Долу сего озаренное онымъ сіяніемъ, среди равнины, утвержденное на 7-ми столбахъ великолѣпнѣйшее съ отворенными дверями зданіе, съ разогнутою на столѣ книгою, знаменующею Уставъ народнымъ училищамъ уложенный,—означало храмъ, премудрости

*) Юрьевъ, стр. 58.

посвященный, съ надписью надъ верхомъ его: „Премудрость создала себѣ храмъ и утверди столбовъ седьмъ“. Съ одной стороны храма изображеніе курившагося жертвенника, вдали отъ него несчастные люди—означало то пагубное зло, какое есть суевѣріе, которое въ прежніе вѣка, подъ предлогомъ приношенія всеблагому Богу, предопредѣляло тѣхъ несчастныхъ гибели. За симъ, яко единый источникъ, напоющій умъ и сердце полезными наставленіями, изображено было благочестіе въ видѣ женской особы, ведущей одной рукой юное дитя съ книгою, а другой—показывающей на храмъ премудрости. Съ другой стороны храма изображенный миръ съ атомами,—означалъ положеніе древнихъ софистовъ, которые мнили, что миръ содѣлался изъ матеріи, и все происходитъ въ ономъ по случаю. Существенное содержаніе эстампа заключала надпись внизу: „Се храмъ, посвященный премудрости, въ которомъ научается смертный познавать: *кто онъ, идъ онъ, откуда онъ и что будетъ онъ...*

Насколько успѣхъ публичнаго испытанія зависѣлъ отъ личности директора, видно изъ исторіи испытаній за время директорства Насѣдкина. На актѣ 1797 г. чиновниковъ было весьма мало, а изъ гражданъ не было никого. На слѣдующее испытаніе обычные посѣтители были вновь приглашены чрезъ полицію, т. е. управу благочинія, но и тогда явились они въ маломъ числѣ.—На эстампахъ 1799 г. были характерно представлены четыре темперамента *).

На испытаніи 1800 г. крестьянскимъ мальчикомъ Пойловымъ были произнесены слѣдующіе стихи:

Нѣтъ мочи ужъ молчать, что чувствую я здѣсь!

(Указываетъ рукой на грудь).

Позвольте мужичку хоть пять словъ произнестъ!

Пахать, жать, молотить—на то вить я родился,

И въ сей работѣ вѣкъ, вѣкъ долго бы трудился,

Теперь я учусь, учусь читать, писать,

Учусь еще тому, какъ жить, какъ Бога знать.

Какъ это хорошо, вся братья наша знаютъ,

За то Творца сихъ благъ всѣ чтутъ и величаютъ **).

Отъ времени директорства Рапинова до насъ дошли до-

*) Описаніе ихъ у Юрьева, стр. 94.

**) Инокрена или утѣхи любословія 1800 г., ч. VI.

волью подробныя описанія публичныхъ испытаній и очень многія рѣчи и стихи въ подлинникахъ. Инструментально-вокальная часть испытаній ему была не по силамъ, но искусство произношенія рѣчей при немъ процвѣтало, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ его даровитаго сотрудника Вештомова. На лѣтнемъ испытаніи 1801 г. главная рѣчь была произнесена учителемъ III кл. Дамаровымъ, „училищнымъ ораторомъ“, на тему—„о началѣ и успѣхахъ наукъ и искусствъ, преобразующихъ разумъ человѣка и приводящихъ его къ тому, на что онъ произведенъ природою“. Рѣчь Дамарова представляетъ собою краткое, но талантливое описаніе постепенныхъ успѣховъ наукъ, начиная со времени калдеевъ и египтянъ и кончая XVIII в., при чемъ онъ съ наибольшою подробностью останавливается на заслугахъ императора Петра Великаго и особенно Екатерины II. „Да будетъ, восклицаетъ съ пафосомъ Дамаровъ въ концѣ рѣчи, на неизгладимыхъ скрижаляхъ величественный образъ Екатерины II у воѣхъ послѣдующихъ народовъ великою и милосердою между самодержцами, героинею въ браняхъ, Минервою среди музъ и матерью отечества среди насъ“!). На томъ же испытаніи директоръ засвидѣтельствовалъ публично объ усердіи учителей. Вообще актъ 1801 г. такъ удался, что о немъ чрезъ попечителя возвѣщено было въ газетахъ. Испытаніе началось рѣчью ученика IV кл., въ которой была выразительно изображена цѣль человѣка, въ политическомъ обществѣ существующаго, и изліяно было чувствованіе къ добродѣтельному монарху. „Удовлетворительные отвѣты учениковъ и довольное ихъ познаніе въ преподаваемыхъ предметахъ произвели удовольствіе всей публикѣ, а родителямъ сладкое упоеніе отъ щедротъ монарха“ **). На зимнемъ испытаніи 1802 года большую привѣтственную рѣчь говорилъ ученикъ I кл., а заключилъ актъ благодарственною рѣчью къ посѣтителямъ учитель I кл. Княгиня. На этомъ же испытаніи преосвященный Амвросій обратился къ ученикамъ съ краткою рѣчью о значеніи образованія. На лѣтнемъ испытаніи 1802 г. въ первый разъ присутствовалъ губернаторъ Руничъ, оказывавшій во все краткое время пребыванія своего

!) Юрьевъ, стр. 86.

**) Дѣло архива гимназій № 1 стр. 146.

въ Вяткѣ особенное вниманіе къ училищу. На этотъ разъ онъ обратился къ учителямъ съ небольшою, но торжественною рѣчью, въ которой, благодаря ихъ за успѣхи, выражалъ надежды, что они еще болѣе будутъ трудиться при воспитаніи юношества и будутъ служить для него образцомъ честнаго и добраго поведенія. Послѣ испытанія публика обозрѣвала кабинеты училища *). Зимнее испытаніе 1803 г. началось рѣчью Вештомова и кончено благодарственнымъ обращеніемъ директора къ посѣтителямъ. Вотъ начало программы этого испытанія: „Какъ бесплодная праздность никогда не производила пользы для существованія человѣческаго, но паче воспитывала въ себѣ тѣ постыдныя страсти, которыя подобно бурямъ всегда увлекали смертныхъ отъ тихаго и надежнѣйшаго въ жизни пристанища: такъ, напротивъ, дѣятельность и трудолюбіе всегда сопрягало его съ тѣмъ счастіемъ, которое онъ имѣть надѣялся, а посему дѣятельность человѣка есть главнѣйшая пружина въ колесѣ его жизни. По истинѣ такъ отъ судебъ Божіихъ предѣисано смертному, что она есть его опредѣленіе, она его тотъ вѣрный компасъ, по которому онъ безмятежно, неропотно и благополучно преплылъ понтъ жизни своей“. Губернаторъ пожертвовалъ на этомъ испытаніи двумъ бѣднымъ солдатскимъ дѣтямъ 25 руб. на одежду **). Лѣтнее испытаніе 1803 г. ознаменовано было тѣмъ, что учитель III кл. Дамаровъ вовсе не явился на него „по слабости своей“, и экзамена по исторіи не было ***). Въ 1806 г. посѣтителей явилось очень мало „по причинѣ холодныхъ покоевъ“. Въ 1807 и 1809 г.г. зимнія испытанія почему-то продолжались по три дня; на испытаніи 1809 г., кажется, вовсе не было посѣтителей или такъ мало, что если приготовленныя въ привѣтствіе ихъ рѣчи были произнесены, то онѣ не произвели никакого эффекта. Последнимъ открытымъ испытаніемъ было лѣтнее испытаніе 1811 г.; на немъ присутствовала многочисленная публика. Видимо, въ училище вливался новый духъ, и это испытаніе уже значительно отличается отъ прежнихъ. Рѣчи произносились не только на русскомъ, но и на татарскомъ языкѣ (кн. Мамена?), назначенъ былъ діалогъ

*) Тамъ же, стр. 158 об.

**) Тамъ же, стр. 160.

***) Ibid. 171 об.

между четырьмя учениками изъ географіи о любопытномъ и пріятномъ, ученики испытывались въ распознаваніи рудъ и растений, по коллекціямъ, собраннымъ новымъ учителемъ Некрасовымъ, который и закончилъ испытаніе своего класса рѣчью. Такъ какъ на испытаніе учениковъ IV кл. уже не достало времени, то онъ былъ отложенъ на другой срокъ, и тоже былъ почтенъ посѣтителеми.

Открытыя испытанія, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, были не болѣе какъ своеобразнымъ представленіемъ для публики, отзвукъ семинарскихъ традицій. Для домашнихъ, дѣйствительныхъ испытаній назначались приблизительно черезъ недѣлю особые дни, когда и былъ производимъ экзаменъ изъ всего пройденнаго курса. Переводные экзамены шли подъ наблюденіемъ директора и производились двумя учителями: кромѣ учителя соответственнаго класса, присутствовалъ еще учитель слѣдующаго, который и принималъ отъ него учениковъ. Такъ какъ никому не хотѣлось принимать учениковъ, дурно подготовленныхъ, то экзамены были строги. Такъ напр. въ 1801 г. изъ 36 учениковъ I кл. переведено въ слѣдующій 24, изъ 29 учениковъ II кл.—14, изъ 15 учениковъ III кл.—13, изъ 7 учениковъ IV кл. выпущено 5.

Въ поощреніе ученикамъ, иногда фамиліи успѣвшихъ произносились торжественно на открытыхъ испытаніяхъ. Съ 1806 г. упоминается награжденіе „тиснутыми“ похвальными листами *). Уставъ 1786 г. кромѣ провозглашенія именъ отличныхъ учениковъ рекомендуетъ еще записываніе ихъ именъ въ особую книгу, но мы такой книги въ дѣлахъ Вятскаго училища не нашли.

Вакатъ продолжался не болѣе мѣсяца, и въ первое время назначался попечителемъ училища. Въ 1802 г. ваката совѣмъ не было, такъ какъ испытаніе произведено было поздно и впереди предстояло много праздниковъ.

*) Характерный образецъ похвальнаго листа Tobольскаго главнаго училища: „Въ 1798 лѣто отъ Р. X. въ 31 годъ благополучнаго и славнаго царствованія Великія Екатерины II, во время бывшаго въ Tobольскомъ главномъ народномъ училищѣ публичнаго испытанія въ знакъ отличныхъ подвиговъ въ наукахъ и поведеніи дано сіе свидѣтельство яко даръ и воздаяніе“. (м. Исторію Tobольск. гимн. Захарова и Цѣткова стр. 33.

V. У ч и т е л я .

„Руководство для учителей“ говоритъ подробно объ ихъ обязанностяхъ и рисуесть такой идеаль учителя. Онъ долженъ быть искренне благочестивъ, имѣть отеческую любовь къ дѣтямъ, быть постоянно добрымъ, терпѣливымъ, долженъ довольствоваться своимъ матеріальнымъ положеніемъ и быть неизмѣнно прилежнымъ къ своему дѣлу. Чтобъ имѣть авторитетъ и значеніе въ школѣ, онъ долженъ внушить къ себѣ среди учениковъ уваженіе, почтеніе, любовь и подобострастіе (любовь, соединенную съ боязнью). Чтобы относиться къ ученикамъ справедливо и безпристрастно, онъ долженъ примѣняться къ особенностямъ каждаго, къ однимъ быть снисходительнѣе, къ другимъ требовательнѣе *). Не исполняя своихъ обязанностей, учитель согрѣшаетъ предъ Богомъ, предъ правительствомъ, предъ родителями, предъ дѣтьми и предъ самимъ собою. Учитель обязанъ заниматься по официальнымъ учебникамъ и по указаннымъ приемамъ, долженъ заранее готовиться къ занятіямъ. Въ отношеніи учениковъ онъ долженъ быть снисходительнымъ и не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Слѣдующія средства поддержанія классной дисциплины и наказанія считаются достаточными: увѣщанія, предостереженія, угрозы и наказанія, изъ которыхъ допускаются только два—лишеніе пріятнаго и устыженіе. Тѣлесныя наказанія безусловно отвергаются, хотя бы даже въ видѣ стоянія въ углу или на колѣняхъ. Выражаясь коротко, Руководство говоритъ, что учитель долженъ въ школѣ принять на себя нравственныя обязанности отца, равно какъ и его права.

Широко, красиво и симпатично обрисованная „Руководствомъ“ дѣятельность учителя въ дѣйствительности, конечно, оставалась неосуществимою.

При общемъ строѣ учебныхъ занятій, на самомъ дѣлѣ отъ учителя требовалось только одно—прилежаніе, а отъ лич-

*) „Руководство“ по этому случаю даетъ интересныя указанія объ ученическихъ типахъ. Оно замѣчаетъ, что ученики въ отношеніи способности къ ученію бываютъ: 1) такіе, что все скоро усваиваютъ, хорошо помнятъ и умѣютъ примѣнять свои познанія, 2) такіе, что одарены хорошою памятью, но лишены дара сознательнаго пониманія, 3) такіе, что имѣютъ слабую память и 4) такіе, которые плохо понимаютъ: въ отношеніи нрава ученики бываютъ: веселые и бодрые, боязливые и застѣпчивые, лѣнливые и сонливые, упорные и склонные къ злобѣ; поведенія они бываютъ то хорошаго, то посредственнаго, то худого (стр. 88—94).

ныхъ его качествъ тоже лишь одно—добропорядочность. Учитель на дѣлѣ былъ не болѣе, какъ тѣтушка. Отъ него требовали не обширныя знанія въ предметѣ или талантность, а одно единственное—усердіе и усердіе. Входя въ школу, учитель вступалъ не въ царство мысли и живого знанія, а на безконечно-длинную, узкую дорогу зубренія однихъ и тѣхъ же неизмѣнныхъ, роковыхъ фактовъ и страницъ. Въ классъ входилъ онъ надзирателемъ, а не воспитателемъ и учителемъ. Ни въ одномъ отчетѣ ни про одного учителя Вятскаго главнаго училища не найдете отзыва, что это человѣкъ знающій или авторитетный въ нравственномъ смыслѣ, и неизмѣнно про каждаго отмѣчено, „усерденъ“ онъ или нѣтъ. Самая „трезвенность“ учителей, о которой такъ заботилось начальство, не потому ли особенно требовалась, что „нетрезвенность“ ихъ должна была прежде всего отразиться на ихъ „усердіи“?

Второе качество, весьма цѣнное въ учителѣ начальствомъ, была его добропорядочность. Школа была вновь, ученики собирались туго, средствъ не доставало,—и вотъ почему главною заботою правительства было всѣми средствами завлечь какъ можно болѣе прозелитовъ ученья, а также покровителей и защитниковъ училищъ; развѣ къ школѣ является доброе отношеніе, успѣхъ ея обезпеченъ. Правительство хорошо понимало, что успѣхъ школы вполне зависитъ отъ личности ея дѣятелей, и вотъ почему обращало на ихъ недостатки большое вниманіе. Между тѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ русская жизнь въ глухихъ провинціяхъ страдала многими грубоватостями и шероховатостями. Откуда было взять такихъ учителей, которые стали бы выше общаго нравственнаго уровня, могли бы для учениковъ служить живымъ примѣромъ, внушить довѣріе къ себѣ со стороны родителей? Намъ, современнымъ провинціальнымъ учителямъ, при упорядочившейся и осложнившейся общественной жизни, не трудно воздержаться отъ соблазновъ и найти нравственную поддержку, но тогда надо было быть либо очень сильнымъ духомъ, либо совершенно ничтожнымъ и мелочнымъ, чтобъ не быть тѣмъ, чѣмъ были другіе. Учительское званіе было лямкой, тягломъ, обязанностью, отъ которой, развѣ за нее взялся, не было средствъ освободиться. Учитель умиралъ учителемъ,

все на томъ же своемъ 300-рублевымъ жалованьѣ, такъ какъ выходъ въ другое званіе ему былъ почти невозможенъ. Однообразіе упорнаго механическаго труда, отсутствіе надеждъ и поощреній, постоянная матеріальная нужда, лишенная цѣли и смысла жизнь, невозможность живой умственной дѣятельности, окружающій соблазнъ—вели воѣхъ живыхъ людей къ чаркѣ. Человѣку время отъ времени необходимъ какой-нибудь нравственный подъемъ, сильное движеніе духа, иначе онъ застаивается, мельчаетъ и падаетъ, и чѣмъ однообразнѣе жизнь, тѣмъ такая „встряска“ необходимѣе; кому она была въ такой же мѣрѣ нужна, какъ учителю главнаго училища, замкнутаго навсегда въ какой-то заколдованный кругъ? Кто въ большей мѣрѣ жилъ по пословицѣ: „дѣла не дѣлаю, отъ дѣла не бѣгаю“—т. е. въ самомъ невыносимомъ для человѣческой души состояніи? И выходило, что рѣдкій изъ учителей находилъ въ себѣ силы воздержаться отъ „нетрезвенной“ жизни. Довольно часто директоръ долженъ былъ, скрѣпя сердце и ставя себя въ затруднительное положеніе, представлять учителей къ увольненію, хотя каждый учитель былъ для него драгоценностью. Первымъ потерпѣлъ Тихомировъ, чрезъ 3 года послѣ открытія училища уволенный Приказомъ „за слабостью и обращеніемъ въ пьянство“; въ 1793 г. „за слабость“ уволенъ учитель Серебряниковъ; въ 1796 г. директоръ Стефановичъ доносилъ Приказу, что учитель III кл. Мышкинъ „обращаясь въ пьянствѣ, нерадивъ къ должности своей, такъ что иногда недѣли по три и болѣе не бываетъ въ классахъ“, на что Приказъ учинилъ слѣдующую характерную резолюцію: „Для исправленія Мышкина посадить на гауптвахту на недѣлю, а потомъ въ присутствіи Приказа сдѣлать ему наистрожайшее подтвержденіе, ежели и за симъ онъ окажется себя въ тѣхъ же порокахъ, то онъ отосланъ будетъ къ отправленію воинской службы. А сколько не былъ времени въ классѣ, учинить вычетъ, дабы могъ впредь, по уменьшеніи жалованья, восчувствовать порокъ и исправить себя“. Хотя съ Мышкина было, въ силу регламента, вычтено жалованье за цѣлую треть, но Приказу такъ и не удалось исправить его: въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ донести о Мышкинѣ въ Комиссію училищъ, и та, утвердивъ увольненіе его Приказомъ, кромѣ того опредѣлила отдать его въ солдаты,

„поелику онъ порою изъ церковниковъ и ни къ какой иной службѣ, по невоздержности своей, болѣе не годится“. Несчастнѣйшій учитель былъ въ числѣ рекрутъ подъ крѣпкимъ карауломъ высланъ въ Казань и помѣщенъ тамъ на службу въ мѣстный полкъ *). Почти весь 1795 г. вмѣсто Мышкина въ III кл. занимался директоръ, пока тотъ не былъ уволенъ и не назначенъ на его мѣсто Комиссіею училищъ Дамаровъ. Этотъ Дамаровъ въ отчетахъ директора также фигурируетъ съ помѣткою „нетрезвой жизни“, „мало старается и по слабости своей не былъ на публичномъ экзаменѣ“. Въ 1803 г. Дамаровъ умеръ. О другихъ учителяхъ нетрезвенной жизни скажемъ ниже, но всѣхъ превзошелъ учитель Непыловъ, пробывшій на должности всего два мѣсяца и уволенный „за развратное и пьянственное состояніе, нерадѣніе къ дѣлу и дурное и противное благонавію обращеніе съ учениками въ классѣ“. Вскорѣ, проѣзжая по Орловскому уѣзду, онъ не заплатилъ ямщикамъ денегъ, оскорбилъ бранью ротнаго командира Фокина, вмѣстѣ съ волостнымъ головой и писаремъ, и еще самъ же принесъ на Фокина въ губернское правленіе жалобу, что тотъ отнялъ у него аттестатъ. Вѣроятно, директоръ отъ души радовался, что успѣшилъ уволить такого отчаяннаго забіяку.

Конечно, далеко не всѣ же учителя предавались невоздержной жизни, даже очень вѣроятно, что учителя, какъ наставники юношества, чувствуя себя на извѣстной нравственной высотѣ, были значительно умѣреннѣе, чѣмъ могли бы быть. Веселой жизни предавались преимущественно молодые и холостые учителя низшихъ классовъ, учителя же старшихъ, люди вообще семейные и дорожащіе своимъ сравнительно привилегированнымъ положеніемъ, были несравненно сдержаннѣе. Трезвую жизнь вели Рапиновъ, Вештомовъ и Колбекъ. Изъ нихъ Рапиновъ былъ занятъ дѣлами дирекціи, Вештомовъ увлекся учеными трудами, а Колбекъ былъ, вѣроятно, по натурѣ своей скромный и воздержный человекъ.

Содержаніе учителямъ, вслѣдствіе недостатка въ средствахъ, было назначено очень скромное: старшіе учителя (III

*) Отдача Мышкина въ солдаты не единичный случай,—это общая мѣра исправленія и наказанія, практиковавшаяся вѣкогда, какъ извѣстно, въ довольно обширныхъ размѣрахъ.

и IV кл.) получали по 400 р., ассигнаціи въ годъ, младшіе по 200 и 150 р., учитель рисованія 150 р. Этого было слишкомъ мало, особенно для семейнаго человѣка *), и мы въ дѣлахъ читаемъ непрерывныя сѣтованія учителей на необеспеченность своего положенія. Рапиновъ въ 1811 году писалъ: „Благородные и благовоспитанные имѣютъ больше стремленія входить въ статскую службу по причинѣ труднаго содержанія жалованьемъ по старому штатному положенію. Мною въ продолженіе 25-лѣтняго служенія замѣчено, что *ест* учителя, служащіе на старомъ положеніи, были всегда бѣдны и претерпѣвали великой недостатокъ, нынѣ же по дороговизнѣ всѣхъ вещей еще болѣе увеличилась ихъ бѣдность и доводитъ иныхъ до крайности. Я всегда *скорблѣю* и нынѣ скорблю душою, взирая на бѣднаго трудолюбца. Мыслию, что можно имъ *удвоить* жалованье законнымъ образомъ, на счетъ Приказа, яко пекущагося о призрѣніи тѣхъ, кто обществу есть полезенъ и нуженъ“ **). Нечего прибавлять къ этимъ краснорѣчивымъ строкамъ человѣка, отдавашаго учебному дѣлу всю свою жизнь.

Изъ всѣхъ учителей особенно нуждался обремененный семьей Вештомовъ. Учителямъ тѣмъ было труднѣе сводить концы съ концами въ своемъ маленькомъ хозяйствѣ, что жалованье выдавалось по третямъ (а квартирныя даже по полугодіямъ); только по особому расположенію Приказа небольшія суммы выдавались подъ росписку ранѣе срока. Въ облегченіе положенія учителей, по уставу 1786 г. имъ полагались казенныя квартиры, но въ дѣйствительности имѣлъ такую только директоръ. Воспользовавшись присутствіемъ въ Вяткѣ сенаторовъ Салтыкова и Пестеля (въ 1800 г.) учителя главнаго училища рѣшились заявить, что вслѣдствіе этого обстоятельства они „терпятъ великой недостатокъ для личнаго ихъ званію содержанія“. По настоянію сенаторовъ, съ этого времени Приказъ сталъ выдавать квартирныя деньги (по 50 р., учителямъ I кл. и учителю рисованія по 40 р.), чѣмъ много облегчилъ ихъ нужды. До этого учителя полу-

*) Въ 1811 г. въ Вяткѣ пудъ муки стоилъ 1 р. 40 к. асс., пудъ крупы 2 р., фунтъ мяса 12—15 коп., сажень дровъ 2 р. 20 к., фунтъ свѣчь 30 коп. Цѣны на матеріи и бакалейные товары были совершенно недоступныя.

**) Въ архивѣ гимназіи дѣло 1811 г. № 15 стр. 507.

чали отъ Приказа только свѣчи, притомъ лишь въ зимніе мѣсяцы (по 6 фунт. старшіе и по 4 младшіе, натурою *)).

Дурное матеріальное положеніе учителей дѣлало то, что когда приходилось удалить того или другого учителя, то найти новаго директору и попечителю стоило большихъ трудовъ. Самые неспособные, пьяницы и дурные въ нравственномъ отношеніи учителя удерживались на мѣстѣ до послѣдней возможности, и только крайность могла побудить окончательно разстаться съ ними; нерѣдко даже и послѣ увольненія съ дурными аттестами учителя вновь принимаемы были на службу. Какіе ни были учителя, все же это были учителя, и ими приходилось дорожить. Комиссія училищъ распорядилась, чтобы указы не увольняли учителей ни подъ какимъ видомъ безъ ея разрѣшенія „поелику люди сіи по крайнему въ нихъ недостатку въ государствѣ нарочно къ званію сему приготовлялись съ немалымъ трудомъ и изживеніемъ, и Комиссія съ тѣмъ и образованіе ихъ предпринимала, дабы имъ въ другой родъ службы безъ воли ея не переходить и ни къ какому безъ увольненія отъ нея не приниматься, что по докладу ея въ 1798 г. и утверждено“ **). Вотъ нѣкоторые примѣры того, насколько учительскій вопросъ былъ тягостенъ и для Комиссін, и для директора, и для самихъ учителей. Въ 1800 г. для исправленія нетрезвой жизни переведенъ изъ Котельнича въ главное училище Княгинь. Хотя директоръ въ отчетахъ послѣ этого времени пишетъ, что этотъ учитель не радивъ вслѣдствіе нетрезвой жизни, онъ всетаки продержался на должности въ продолженіе 4 л., пока наконецъ не былъ уволенъ, все по причинѣ той же нетрезвости. Когда въ томъ же 1808 г. умеръ учитель Дамаровъ, Княгинь пытался вновь поступить на мѣсто учителя и едва не успѣлъ въ этомъ, такъ какъ ни Главное правленіе училищъ, ни директоръ не могли отыскать учителя для III кл. ***). За отсутствіемъ учителя, классъ этотъ былъ порученъ учителю другого класса и вмѣстѣ съ тѣмъ директоръ получилъ предписаніе отыскать достойнаго кандидата. Въ крайности, Рапиновъ попытался переманить изъ семинаріи учителя информаторіи Тукмачева;

*) Юрьевъ, стр. 83.

**) Юрьевъ, стр. 26.

***), Княгинь временно всетаки послужилъ изъ училищъ, именно въ 1811 г., по найму.

завязалась огромная переписка о Тукмачевѣ между директоромъ, попечителемъ, министромъ, синодомъ, семинаріей, но синодъ не согласился на увольненіе его изъ духовнаго званія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ нуженъ семинаріи, и всѣ труды Рапинова пошли даромъ. Наконецъ попечитель послалъ въ Вятку учителя новгородскаго Боровицкаго малаго училища Непылова, который оказался несравненно хуже и Княгина, не могъ быть терпимъ ни въ какомъ случаѣ, чрезъ 2 мѣсяца былъ уволенъ, и директору вновь пришлось приняться за поиски учителя въ Вяткѣ, такъ какъ Главное правленіе не имѣло кандидата.

Еще въ 1796 г. учителю рисованія Черепанову за нерадивость и пьянство было отказано, но вслѣдъ затѣмъ онъ вновь приглашенъ Приказомъ, такъ какъ занявшій его мѣсто учитель Анисимовъ скоро отказался отъ должности за болѣзнь. Въ началѣ Черепановъ отмѣченъ въ отчетахъ отзывомъ „хорошъ, поведенія хорошаго“, но въ 1803 году про него говорится уже, что онъ „посредственъ, въ поведеніи не одобряется, лѣнивъ, нетрезвой жизни“. Въ 1804 г. попечитель Румовскій писалъ директору, чтобы онъ объявилъ Черепанову предостереженіе, увѣривъ отъ его имени, что будетъ исключенъ съ худымъ аттестатомъ, если не исправится, „о лѣности и нетрезвой жизни котораго дошли до меня свѣдѣнія“. Выговоръ временно подѣйствовалъ, и директоръ въ отчетѣ за тотъ же годъ пишетъ, что Черепановъ „исправляется и на будущее время какъ въ прилежаніи, такъ и въ поведеніи показываетъ надежду“, но въ слѣдующемъ 1805 г. онъ же доноситъ, что исправленіе Черепанова по заочности невозможно, и тогда многотерпимый, но невозможный учитель наконецъ увольняется, и то по докладѣ попечителя министру.

Учителей надежныхъ попечителю приходилось удерживать силою. Вештомовъ подалъ прошеніе объ увольненіи еще въ концѣ 1807 г., и директоръ въ отчетѣ своемъ выражалъ надежду, что онъ уволенъ будетъ безъ замедленія; попечитель отвѣтилъ, что Вештомовъ можетъ выйти въ отставку лишь тогда, когда на его мѣсто будетъ присканъ способный учитель, да и самъ Вештомовъ, вѣроятно, потерпѣвъ неудачу въ своихъ расчетахъ на другое мѣсто, проситъ отсрочку

отставки его на годъ, до сентября 1809 г. Попечитель на донесеніе объ этомъ директора пишетъ, что Вештомовъ не только можетъ, но и долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Въ январѣ 1810 г. Вештомовъ повторяетъ „настоятельное“ желаніе быть у другихъ дѣлъ, о чемъ и донесено попечителю, но тотъ неспѣша отвѣчаетъ, что „не можетъ принять на свой отчотъ“ испрашиваемаго увольненія, вслѣдствіе чего Вештомовъ подаетъ прошеніе объ оставкѣ уже на имя Главнаго правленія училищъ. Имѣя въ виду недвусмысленный отвѣтъ попечителя, директоръ не принимаетъ этого прошенія, и только въ іюлѣ 1810 г. Вештомовъ получаетъ увольненіе, кажется, уже слишкомъ поздно, чтобы можно было рассчитывать на какое-нибудь другое мѣсто.

Никто въ учительское званіе охоту не шель, и правительству приходилось прибѣгать къ своеобразнымъ мѣрамъ. чтобы постоянно имѣть ихъ достаточное количество. Чтобы организовать штатъ учителей для первыхъ 25 главныхъ народныхъ училищъ, вытребовано было изъ семинарій 100 учениковъ въ Петербургъ въ учительскую семинарію *); къ такому же „набору“ прибѣгали всякій разъ, когда начиналъ чувствоваться особый недочетъ учителей, но почему-то нѣкоторое время семинарія была въ забросѣ **), и тогда въ учителяхъ ощущался крайній недостатокъ.

Уставъ 1786 г., очевидно въ видахъ сокращенія расходовъ, держится классной системы распредѣленія занятій между учителями. Впрочемъ дѣлались нѣкоторыя исключенія для трехъ старшихъ классовъ, именно учитель II кл. продолжалъ въ III кл. занятія катихизисомъ, учитель III кл., начавшій занятія исторіей и географіей, велъ ихъ и въ IV кл., ввзмѣнъ чего учитель послѣдняго бралъ на себя уроки ариметики и грамматики въ III кл. ***). Такимъ образомъ классная система была перемѣшена съ предметной.

Въ разное время въ разныхъ классахъ Вятскаго главнаго училища были слѣдующіе учителя:

*) Въ 1808 г. семинарія переименована въ гимназію, а въ 1804 г. въ Педагогическій институтъ.

***) Объ этомъ см. въ статьѣ гр. Толстого.

***) Существовали спеціальныя названія для классовъ: историческій (III кл.), математическій (IV кл.) и рисовальный.

I кл.

1786—1788. Виглинскій.
 1788—1793. Серебряниковъ.
 1797—1799. Анисимовъ.
 1800—1803. Княгинъ.
 1803—1807. Колбекъ.
 1807—1809. Ѳ. Савиновъ.
 1809—1811. П. Вештомовъ.

II кл.

1786—1788. Тихомировъ.
 1788—1799. Виглинскій.
 1800—1806. А. Вештомовъ.
 1806—1811. Колбекъ.
 III кл.
 1786—1796. Мышкинъ.
 1796—1803. Дамаровъ.
 1803—1810. А. Вештомовъ.

IV кл.

1786—1811. Рапиновъ.

Самымъ замѣчательнымъ изъ учителей главнаго народнаго училища былъ Александръ *Вештомовъ*, память котораго въ своей запискѣ мы и должны почтить особымъ вниманіемъ. Въ 1790 г. Вештомовъ былъ вытребованъ черезъ губернатора изъ Вятской семинаріи вмѣстѣ съ двумя другими воспитанниками для приготовленія при главномъ училищѣ къ учительской должности въ малыхъ народныхъ училищахъ. По окончаніи здѣсь занятій, онъ былъ назначенъ учителемъ Сарапульскаго училища, гдѣ тотчасъ обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью и при первой открывшейся вакансіи въ 1800 г. „за постоянное прилежаніе“ былъ переведенъ въ Вятское главное училище учителемъ II кл. Еще будучи въ Сарапулѣ, онъ женился, и такъ какъ получаемаго имъ жалованья стало не доставать на содержаніе, то онъ обратился (1796 г.) къ губернатору со смѣлою просьбою назначить ему жалованье полное по штату, вмѣсто неправильно высылаемыхъ Приказомъ 120 р.—150 р. „Нынѣ содержишь я съ немалою нуждою, и на семь количествъ не въ силахъ пропитаться безъ самой крайней нужды, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ дороговизна на всѣ къ пропитанію человѣка необходимыя припасы и вещи противъ прошедшихъ годовъ время отъ времени возвышаются, и какъ ни стараюсь располагать себя съ семействомъ, чтобъ миновать крайней нужды въ пропитаніи при настоящемъ 120 р. жалованьѣ, но при всемъ томъ во многихъ онаго частяхъ и видахъ встрѣчаемъ бываю недостатками и нуждами“ *). Губернаторъ Зиновьевъ оставилъ прошеніе безъ послѣдствій, и Вештомовъ получилъ недопла-

*) Юрьевъ, стр. 68—69.

ченное ему жалованье только въ 1801 г., уже будучи учителемъ въ Вяткѣ, когда при губернаторѣ Латышевѣ сенаторы предложили Приказу увеличить содержаніе учителей. Въ отчетахъ директора Вештомова всегда былъ отмѣченъ особенными похвалами за свою учительскую дѣятельность: „весьма прилеженъ, благонравенъ“, „рачителенъ съ похвалою, хорошаго поведенія“, „рачителенъ и честнаго поведенія“. Будучи спокоенъ со стороны хода службы, Вештомовъ до увеличенія семейства былъ сравнительно обезпеченъ и въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ кромѣ жалованья за III кл. (450 р.), въ который онъ былъ за отличіе переведенъ въ 1803 г., онъ получалъ еще и за занятія во II кл. въ продолженіе трехъ лѣтъ по 200 р. Даровитый преподаватель, совершенно освоившись съ преподавательскою дѣятельностью и привыкнувъ къ ней, искалъ приложенія своихъ богатыхъ способностей къ другому дѣлу. Нѣкоторое время онъ принужденъ былъ ограничиваться чтеніемъ книгъ изъ порученной его надвору училищной бібліотеки и сочиненіемъ замысловатыхъ рѣчей для произнесенія на публичныхъ испытаніяхъ да въ сочиненіи историческихъ записокъ объ училищахъ, пока обстоятельства не вызвали его къ болѣе широкой литературно-ученой дѣятельности. Новый училищный уставъ (1803 г.) рекомендовалъ учителямъ изученіе мѣстной исторіи, статистики и этнографіи и всѣми мѣрами поощрялъ ихъ посылать статьи и замѣчанія въ официальные изданія. У учителей Вятскаго главнаго училища долгое время не доставало рѣшимости выступить съ учеными работами. Отчетъ 1804 г. отмѣчаетъ, что „никто изъ учителей не представилъ записокъ касательно исторіи, топографіи и статистики Вятской губерніи“, да кажется ни директоръ, ни попечитель и не настаивали на непремѣнномъ исполненіи § 52 Устава, тѣмъ болѣе, что онъ относился къ гимназіямъ, а не къ главнымъ училищамъ. Воздѣйствіе на учителей неожиданно оказано было съ другой стороны. Губернаторъ Болгарскій, желая привести въ дѣйствіе Высочайшій указъ 1802 г. о составленіи описанія губерніи, которому до него не было дано хода, подыскивалъ подходящаго для такой работы человѣка и обратилъ вниманіе на Вештомова. Въ 1805 г. онъ поручилъ ему описаніе губерніи, обѣщаясь съ своей стороны доставить чрезъ под-

чиненныя учрежденія всѣ необходимыя свѣдѣнія. Вештомовъ съ жаромъ принялся за работу, но оказалось, что „премногія свѣдѣнія“ невозможно было достать даже чрезъ посредство губернатора, и работа остановилась, тѣмъ болѣе, что Болгарскій вскорѣ былъ отрѣшенъ отъ должности. Въ 1808 г. Департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія обратился къ директору Рапинову съ запросомъ, кому изъ учителей, на основаніи устава, поручилъ онъ составленіе описанія губерніи. Рапиновъ, „усмотря по этому запросу, что исполненіе по 52 § устава учебныхъ заведеній быть должно необходимое, хотя и не предписано о томъ отъ г. попечителя“ и не имѣя самъ особенной склонности къ ученымъ трудамъ, исполненіе требованія Департамента предложилъ Вештомову, отгѣнивъ свое порученіе лестными выраженіями: „Мнѣ очень пріятно будетъ, писалъ онъ Вештомову, ежели вы по важности и полезности тово на васъ возложенія достигнете существеннаго исполненія—тѣмъ болѣе, что вы по склонности вашей къ общимъ пользамъ приняли на себя достойный васъ трудъ составить описаніе земледѣлію и сельскому хозяйству по здѣшней губерніи“. Вештомовъ оффиціально отвѣтилъ директору, что его предложеніе онъ приѣмлетъ съ готовностью и что, имѣя уже подготовленные матеріалы, хотя и очень неполные, онъ беретъ на себя описаніе: 1) естественнаго состоянія всей губерніи—состава почвы, водъ, климата и трехъ царствъ природы, 2) хозяйственнаго и промышленнаго ея состоянія, 3) вывозимыхъ изъ губерніи и привозимыхъ въ нее продуктовъ. Предполагаемому описанію почему-то такъ и не удалось осуществиться, и даже неизвѣстно, куда исчезли тѣ матеріалы, которые собралъ для него Вештомовъ; онъ продолжалъ ихъ собирать, какъ намъ извѣстно по документамъ, еще и въ 1810 г., когда требовалъ черезъ директора свѣдѣній о числѣ умершихъ, родившихся и бракосочетавшихся. Не покидая вовсе этой работы, Вештомовъ принялся за составленіе монументальной „Исторіи вятчанъ“, которую кончилъ къ началу 1809 г. и представилъ чрезъ директора попечителю. Когда трудъ этотъ былъ полученъ отъ попечителя обратно, Вештомовъ передалъ его на храненіе въ бібліотеку гимназій вмѣстѣ съ лестнымъ отзывомъ о немъ г. попечите-

ля *). Директоръ отвѣчалъ ему письменною благодарностью за этотъ цѣнный подарокъ. Въ то же время, пользуясь экземпляромъ Петербургской флоры Соболевскаго, Вештомовъ принялся за изученіе вятской флоры, употребилъ на это дѣло лѣто 1809 г. и зимою представилъ попечителю два тома рисунковъ, за которые и удостоился „въ награжденіе“ отъ Главнаго Правленія училищъ денежнаго подарка въ 500 р. Вниманіе начальства сильно поощрило Вештомова, а деньги были особенно кстати, такъ какъ въ это время онъ уже сильно нуждался, и онъ немедленно дѣлаетъ заявленіе, что будетъ продолжать занятія вятскою флорой, хотя бы и не состоялъ въ должности учителя. Въ самомъ дѣлѣ, къ двумъ томамъ флоры, присланнымъ изъ Главнаго Правленія и переданнымъ также въ бібліотечку, Вештомовъ осенью того же 1810 г. прибавилъ еще третій, именно описаніе 114 видовъ тайнобрачныхъ. Вскорѣ послѣ того онъ получилъ давно ожидаемую отставку, принялся за устройство своихъ незавидныхъ матеріальныхъ средствъ, но разстроился отъ разнаго рода неудачъ и уже не продолжалъ своихъ такъ талантливо начатыхъ работъ. Имѣя большую семью **), Вештомовъ съ свойственной ему предприимчивостью пытался найти себѣ другое, болѣе доходное занятіе, чѣмъ учительство, но всѣ старанія его получить отставку были, какъ мы видѣли, неудачны, и она дана ему была слишкомъ поздно. Вештомовъ не нашелъ себѣ дѣла, впалъ въ крайнюю нужду и, говорятъ, что отъ заботъ и огорченій сошелъ съ ума и кончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ въ 1825 г. ***). Что стало съ его семьей, мы не знаемъ, извѣстна только отчасти судьба его старшаго сына Платона, который, по ходатайству отца, въ очень молодыхъ еще лѣтахъ назначенъ былъ учителемъ I кл., пытался потомъ перейти въ Казанскій учительскій институтъ, но неудачно, вѣроятно съ огорченія, запилъ и кончилъ очень бурно—кражей изъ минць-кабинета монетъ. Что Вештомовъ—отецъ былъ

*) Вештомовъ намѣревался посвятить свой трудъ Румовскому, но тотъ частнымъ письмомъ „приказалъ изъять посвященіе“, не считая себя заслуживающимъ его, хотя и благодарилъ за вниманіе. Вештомовъ сдалъ рукопись въ бібліотечку училища „по предположенію моему, для храненія и употребленія“, какъ онъ выражается въ своемъ письмѣ.

***) Въ 1809 г. у него было три сына и три дочери, и только старшій сынъ (17 л.) не нуждался въ помощи отца.

***) Столѣтіе Вятск. губ. II, 820.

человѣкъ совсѣмъ не заурядный, это доказываетъ между прочимъ его крупнымъ пожертвованіемъ на народную милицію 1807 г.: онъ пожертвовалъ на нее 100 руб., т. е. четвертую часть годового своего жалованья. Миръ тебѣ, честный и даровитый труженикъ!

Учителемъ IV кл. все время, въ продолженіе 25 лѣтъ, былъ Тим. Тит. *Рапиновъ*, не покидавшій преподаванія и послѣ назначенія директоромъ. Рапиновъ былъ сынъ мамадышскаго священника; по окончаніи курса въ Казанской семинаріи попалъ въ учительскую гимназію, хорошо въ ней кончилъ курсъ и былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ Вятское главное училище, гдѣ и служилъ все время никуда не выѣзжая. Какъ директоръ, Рапиновъ былъ вполне на своемъ мѣстѣ, хотя и не выдавался такъ, какъ его предшественникъ, Стефановичъ. При вступленіи въ должность директора онъ имѣлъ 44 г. Вышедши въ отставку и вскорѣ овдовѣвши, Рапиновъ велъ жизнь отшельника: набожный и скромный, онъ постоянно ходилъ въ церковь ко всѣмъ службамъ, а дома молился или читалъ священныя книги. Большую часть своей пенсіи (800 р.) онъ раздавалъ бѣднымъ; имъ же онъ завѣщалъ и все оставшееся у него имущество, а книги—въ церковь *). Умеръ въ 1848 г. и погребенъ въ Вяткѣ на Богословскомъ кладбищѣ. Изъ отчетовъ Рапинова какъ директора видно, что онъ былъ человѣкъ крайне доброжелательный.

Учителями III кл. были: Мышкинъ (1786—1796), Дамаровъ (1796—1803) и Вештомовъ (1803—1810). *Мышкинъ* былъ сынъ священника с. Кырмыжскаго Нолинскаго уѣзда, учился сперва въ Вятской семинаріи, потомъ въ учительской гимназіи. Причину увольненія его отъ должности мы видѣли выше. *Дамаровъ* былъ уроженецъ Кіевской губерніи. По окончаніи курса въ Петербургской гимназіи, онъ нѣкоторое время не находилъ себѣ мѣста, временно былъ назначенъ учителемъ I кл. Петербургскаго главнаго училища, а въ 1796 г. переведенъ въ Вятку. Умеръ въ Вяткѣ еще молодымъ человѣкомъ, можетъ быть отъ неумѣренной жизни.

Учителями II кл. были: Тихомировъ (1786—1788), Виглинскій (1788—1799), Вештомовъ (1800—1806), Колбекъ (1806—1811). *Тихомировъ* былъ изъ воспитанниковъ Москов-

*) Столѣтіе Вятск. губ. II, 619.

ской семинаріи, и пробылъ въ главномъ училищѣ всего два года, будучи уволенъ Приказомъ за нетрезвость. По всѣмъ признакамъ, Приказъ на первое время былъ большимъ пуристомъ по отношенію къ учителямъ и увольнялъ ихъ безъ особеннаго разбора. Тихомировъ былъ въ чахоткѣ и умеръ въ бѣдности у родныхъ *). *Виглинскій*, воспитанникъ Невской семинаріи, а потомъ учительской гимназіи, былъ назначенъ сперва въ первый классъ, а послѣ увольненія Тихомирова занялъ его мѣсто. О Виглинскомъ ничего неизвѣстно, такъ какъ онъ видимо ничѣмъ особеннымъ не выдавался. Умеръ въ Вяткѣ. Мѣсто его, по назначенію директора, занималъ нѣкоторое время практикантъ *А. Черепановъ*, который затѣмъ уступилъ его Вештому, а самъ отправился на мѣсто послѣдняго въ Сарапулъ. *Колбекъ* изъ харьковскихъ дворянъ, кончилъ курсъ въ мѣстномъ главномъ училищѣ, гдѣ между прочимъ учился геодезіи и нѣмецкому языку, поступилъ на службу въ I кл. Вятскаго главнаго училища 19 лѣтъ, по назначенію Главнаго Правленія. Колбекъ былъ добросовѣстнымъ учителемъ и въ отчетахъ всегда помѣчается похвальными отзывами: „старается“, „хорошаго поведенія“, „очень старается“, „одобряется“, „прилеженъ“. Кажется, имѣя въ виду преобразование училища, Колбекъ просилъ въ 1803 году объ увольненіи, такъ какъ въ этомъ году директоръ, по требованію попечителя, искалъ ему замѣстителя. Замѣстителя не нашлось, и Колбекъ прослужилъ до преобразованія училища, состоя съ 1806 г. учителемъ II кл.

Въ I кл. учителями послѣдовательно были: Виглинскій (1786—1788), Серебрянниковъ (1788—1793), Анисимовъ (1797—1799), Княгиня (1800—1803), Колбекъ (1803—1806), Непыловъ (1806), Ѳ. Савиновъ (1807—1809), Пл. Вештомъ (1809—1811). Какъ видно, рѣдкіе изъ учителей I кл. оставались въ немъ болѣе двухъ лѣтъ: хорошіе учителя переводились въ слѣдующіе классы, а плохіе скоро были увольняемы. *Серебрянниковъ* былъ лучшимъ изъ 4 первыхъ практикантовъ 1787 г. Онъ кончилъ курсъ въ Вятской семинаріи и потомъ изучалъ въ главномъ училищѣ ариметику, алгебру и учебный способъ, гдѣ и былъ оставленъ учителемъ I кл. Уволенъ за нетрезвость, однако послѣ пятилѣтней службы. *Ани-*

*) Столѣтіе Вятск. губ. II, 819.

симовъ—практикантъ 1791 г. Ему временно поручались уроки рисованія послѣ уволеннаго въ 1796 г. Черепанова, но къ этой должности онъ оказался неспособнымъ. Анисимовъ одинъ только изъ учителей главнаго училища успѣлъ пристроиться къ другому дѣлу, именно опредѣленъ былъ землемѣромъ. Въмѣсто него временно занимался практикантъ *Костровъ*. *Савиновъ* былъ сынъ заслуженнаго учителя Слободскаго малаго училища *), учился сперва въ школѣ отца, потомъ кончилъ курсъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ, и по благопріятной аттестаціи всѣхъ учителей, назначенъ 16 л. учителемъ въ I кл. Впрочемъ онъ недолго служилъ въ Вяткѣ, такъ какъ на его мѣсто прочили сына Вештомова, Платона, и онъ волей неволей долженъ былъ согласиться на переводъ въ Нолинскъ, на мѣсто уволеннаго учителя Плетнева. Въ качествѣ нолинскаго учителя онъ въ 1811 году характеризуется такъ: „по нетрезвенному житію къ продолженію службы малоспособенъ“. Тогда ему было всего 22 года отъ роду. *Пл. Вештомовъ* былъ практикантомъ въ 1809 г. и послѣ того нѣкоторое время служилъ копистомъ въ Вятской оберъ-форшмейстерской канцеляріи. Несмотря на расположеніе къ нему директора, опредѣленіе его учителемъ затруднилось молодостью (ему было всего 16 л.). Рапиновъ, дѣлая представленіе попечителю, не скрылъ этого обстоятельства, но обѣщаль, что за нимъ будетъ надзоръ со стороны отца и его самого, директора. Осторожный и справедливый Румовскій сдѣлалъ прежде всего запросъ, согласенъ ли на переводъ Савиновъ, и утвердилъ Вештомова лишь послѣ благопріятнаго для него отвѣта. Когда въ Казани открылся Учительскій институтъ, и въ Вяткѣ получено было приглашеніе, не желаетъ ли кто изъ кончившихъ курсъ въ училищѣ поступить туда, вызвались двое—Вештомовъ и Антроповъ. Антроповъ попалъ, а Вештомовъ былъ удержанъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ Румовскій обязывалъ его найти замѣстителя, а такового не находилось. Повидимому, и будучи учителемъ, Вештомовъ оставался вполнѣ еще наивнымъ юношей, и послѣ выхода отца въ отставку изъ легкомыслія онъ рѣшился на такой поступокъ, на который всегда смотрятъ очень серьезно—унесъ изъ училищнаго кабинета всѣ монеты, серебряныя и мѣдныя. Онъ

*) *Лаурентьевъ*, „Слободское городское училище“ въ Вятск. Календ. 1888 г.

одѣлалъ это очень искусно, но распорядился съ утаенными вещами болѣе чѣмъ наивно—раздарилъ ихъ своимъ пріятелямъ ямщикамъ, а часть оставилъ у себя. Ему не удалось скрыть своей выходки отъ отца, который отобралъ у него что нашлось и немедленно возвратилъ все директору. Поднялся переполохъ, пошли розыски, слѣдствіе, сношенія съ полиціей, Главнымъ Правленіемъ и т. д. Вештомовъ тотчасъ же былъ уволенъ.

Впрочемъ исторія этого учителя можетъ быть изложена подробнѣе, и такъ какъ она даетъ довольно яркое освѣщеніе нѣкоторымъ сторонамъ тогдашняго училищнаго быта, то вполне воспроизводится нами по сохранившимся документамъ. Въ ноябрѣ 1810 г. Платону Вештому была предъявлена журнальная записка за подписью Рапинова и Некрасова, требующая отъ него болѣе аккуратнаго посѣщенія классовъ. На слѣдующій же день Рапиновъ получаетъ горячій отвѣтъ отъ него, написанный вѣроятно отцомъ, въ которомъ говорилось, что Пл. Вештомовъ всегда приходилъ въ классы не только не поздне, но даже раньше другихъ учителей, особенно Рапинова, „который частовременно по нѣсколькимъ днямъ сряду не является въ училище“, что такихъ журнальныхъ записокъ „въ порядкѣ училищномъ никогда не бывало“, что этотъ случай составляетъ явную нападку директора изъ какихъ-то личныхъ видовъ, „предлогъ притѣсненія и угнетенія“, что зимою никто изъ учителей не приходитъ ранѣе 9 час. и занятія кончаются нѣсколько ранѣе положеннаго, вслѣдствіе сумерекъ, что городскіе часы слишкомъ далеко отъ него и пр. Вештомовъ требуетъ довести объ этомъ случаѣ высшему начальству. Отвѣтъ написанъ въ язвительномъ тонѣ, прямо набѣло, очевидно въ сильномъ возбужденіи. Изъ прошенія Рапинова къ губернатору мы узнаемъ, что въ тотъ же день, какъ Платону Вештому приказано было чрезъ сторожа вмѣсто перваго пропущеннаго урока заняться лишній часъ, отецъ его явился въ училище съ полицейскимъ чиновникомъ Лефевромъ и, безъ дозволенія занимавшагося въ классѣ Некрасова, „съ дерзновеніемъ и наглостью прервалъ продолжающееся ученіе и вниманіе, въ азартѣ яростнымъ голосомъ чинилъ допросу у учениковъ и домогался изъ нихъ: „ходитъ ли мой Платонъ въ училище“? Одинъ изъ уче-

никовъ отвѣтилъ, что иногда ходить, иногда нѣтъ.— „Быль ли самъ директоръ въ эти дни“? Другой ученикъ отвѣчалъ, что онъ занятъ дѣлами по случаю своего отъѣзда. „За симъ угрожалъ г. Вештомовъ, что онъ сдѣлаетъ доносъ самому Разумовскому на всѣхъ учителей и директора, которые сами приходятъ поздно въ классы, ибо я самъ знаю, какіе учителя не ходятъ въ классы, и директоръ самъ дни съ три не былъ, да и теперь можетъ быть, съ позволенія сказать, дома пьять и спать“. Училище просило защитить и охранить „оное священное государственное учебное заведеніе какъ отъ сего настоящаго, такъ и отъ подобныхъ сему, впредь произойти могущихъ случаевъ и поступить съ онымъ тит. сов. Вештомовымъ яко нарушителемъ тишины и спокойствія во время законно продолжающагося тогда въ главномъ училищѣ ученія, какъ законы повелѣваютъ“. Чѣмъ кончилось это обращеніе къ защитѣ губернатора и послано ли оно было, не знаемъ. Извѣстно только, что чрезъ два мѣсяца послѣ того главное училище возвратило Вештому его объясненіе съ надписью, что училище „даетъ знать на замѣчаніе учителю I кл. Вештому въ слѣдующемъ. Поелику училищемъ замѣчено, что ты, учитель Вештомовъ, дѣйствительно опаздывалъ приходомъ своимъ въ классы, въ чемъ неоднократно замѣчалъ тебѣ въ особенности самъ директоръ, который и напоминалъ тебѣ неоднократно о выполненіи должности, какъ уставомъ предписано; почему оное училище и приписываетъ то твоему въ сознательности упрямству, свойственному только незрѣлымъ лѣтамъ“, и находить, что намеки на мнимую неисправность директора „ясно обнаруживаютъ характеръ духа, склоннаго входить не въ принадлежащее“, что о непорядкахъ директора „безъ свойственной грубости и строптивости сказать тебѣ невозможно бы было, потому что члены, коимъ ввѣрено зависимое управленіе учебныхъ заведеній, сознаютъ въ немъ совершенный порядокъ, и всѣ учителя, внимая гласу справедливости, съ ревностью проходятъ свои должности. Ты же, учитель I кл., забылъ должное уваженіе къ начальству, съ грубостью противорѣчишь справедливому постановленію главнаго училища, къ исполненію тебя принуждающаго. Вслѣдствіе того предписывается тебѣ, учитель I кл. Вештомовъ, чтобы впредь ты безотговорочно исполнялъ повелѣнія г. ди-

ректора, что подлежать будетъ до должности учительской. отъ грубыхъ же и обидныхъ выраженій напостражайше подтверждается тебѣ воздерживаться впредь".—Но на молодого Вештомова, спѣшно катившагося по наклонной плоскости. ни выговоры начальства, ни сѣтованія отца уже не дѣйствовали. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ уличенъ былъ въ похищеніи монетъ. „Сего 15 марта тит. сов. Ал. Вештомовъ. пришедши въ училище, съ горестнымъ состраданіемъ объявилъ мнѣ и учителю Ал. Некрасову, что сынъ его, учитель I кл. Пл. Вештомовъ, похитилъ изъ казеннаго кабинета серебряныя и другихъ качествъ медали, монеты и абдрукки“. При своемъ заявленіи Вештомовъ-отецъ представилъ 145 разысканныхъ имъ монетъ. Оказалось, что большой висячій замокъ у дверей чулана сбитъ, но повѣшенъ былъ такъ искусно, что казался запертымъ. печать и шнуръ оставались неповрежденными. Кромѣ того справки показали, что въ тотъ день Пл. Вештомовъ утромъ куда-то уходилъ изъ школы и скоро воротился. Очевидно, откровеннымъ сознаніемъ Вештомовъ хотѣлъ по возможности смягчить вину сына и можетъ быть кромѣ того въ тайнѣ разсчитывалъ, что директоръ не дастъ этому дѣлу оффиціального хода. Но тотъ не рискнулъ принять на себя отвѣтственности и принялъ требуемыя его положеніемъ мѣры. Пл. Вештомовъ, почуввъ бѣду, скрылся изъ дому, но былъ найденъ и посаженъ въ арестантскую при полиціи. Начались усердные розыски недостающихъ монетъ. Всѣхъ болѣе старался объ этомъ самъ Вештомовъ; каждый день ему удавалось возвращать по нѣсколькѣ экземпляровъ. Почтмейстеръ Горбуновъ доставилъ нѣсколько монетъ, отобранныхъ имъ у ямщиковъ, и въ концѣ концовъ растраченными осталось лишь незначительное количество мѣдныхъ монетъ, не имѣющихъ важности. Чѣмъ кончилось дѣло Вештомова, намъ неизвѣстно, но о немъ чрезъ директора и попечителя округа донесено было и министру *).

Учителями рисовальнаго класса были: Ѳ. Черепановъ (1787—1796 и 1797—1806) и Егоръ Чарушинъ (1806—1811). Въ первый годъ уроки рисованія велъ Рапиновъ. Черепановъ былъ въ началѣ нѣкоторое время учителемъ рисованія и чистописанія въ мѣстной семинаріи, которая рассталась съ

*) См. книгу исходящихъ стр. 54—59 и дѣло 1811 г. № 14.

нимъ, вѣроятно, безъ большаго сожалѣнія. Учителемъ, какъ мы видѣли, Черепановъ былъ плохимъ и разъ былъ уволенъ изъ училища, но за недостаткомъ учителей вновь былъ принятъ Приказомъ. Исторію его увольненія мы уже знаемъ. Чарушинъ происхожденіемъ былъ изъ мѣстной купеческой семьи, кончилъ курсъ въ Вятскомъ училищѣ. Чарушинъ былъ извѣстнымъ въ свое время вятскимъ живописцемъ, имѣлъ много иконописныхъ заказовъ и былъ очень хорошимъ учителемъ. Ученики его въ самое короткое время оказали большіе успѣхи. „Чарушинъ весьма старается при честномъ поведеніи“—говоритъ объ немъ одинъ отчетъ. Самъ Чарушинъ очень привыкъ къ училищу, но преобразование послѣдняго въ гимназію заставило его подать въ отставку. Попечитель высказывался за оставленіе его при гимназій, но все-таки онъ въ 1811 г. долженъ былъ перейти во вновь открывшееся уѣздное училище; послѣ онъ попалъ въ гимназію, но уже много позднѣе.

Сколько-нибудь серьезныхъ ревизій Вятскаго главнаго училища за все время его 25-ти лѣтняго существованія не было, и потому мы лишены возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе объ успѣхахъ въ немъ школьнаго дѣла. Оффиціальныя отзывы попечителей и сенаторовъ бывали всегда благопріятны для училища. Изъ такихъ отзывовъ самымъ цѣннымъ мы должны считать мнѣніе о школѣ губерна Рунича, человѣка компетентнаго и умѣннаго цѣнить образованіе. Въ 1803 г., побывавъ на публичномъ испытаніи, Руничъ благодарилъ учителей за успѣхи и даже выразилъ особенную благодарность имъ торжественно, въ присутствіи Приказа. Самъ директоръ, сознавая успѣшность занятій въ училищѣ, иногда рѣшался благодарить учителей за успѣхи, какъ было напр. на публичномъ испытаніи 1808 г. Въ отчетѣ 1809 г. онъ пишетъ: „Всеѣ учителя главнаго училища честнымъ своимъ поведеніемъ и благонамѣренными склонностями своими, влекущими ихъ къ радѣтельному образованію юношества, заслуживаютъ предъ начальствомъ одобреніе“. Слова обычныя, но они звучатъ для насъ и правдою, если мы припомнимъ, что въ это время учителями были лучшіе учителя за все время существованія училища—Рапиновъ, А. Вештомовъ, Колбекъ и еще Савиновъ. Въ послѣднемъ отчетѣ

тѣ Рапиновъ пишетъ: „Всѣ учителя съ ревностью проходить свои должности; благородный образъ мыслей и обращеніе всего духа ихъ на образованіе дѣтей кажется удостовѣряетъ меня, что при благихъ намѣреніяхъ будемъ видѣть всегда добрую жатву“.

VI. У ча щ і е с я.

Правительство, создавъ вразъ такую массу школъ, въ тоже время старалось, въ интересахъ просвѣщенія, привлечь къ нимъ какъ можно болѣе учащихся, не разбирая ни сословія, ни возраста, ни даже пола. Каждый новый ученикъ въ глазахъ завѣдующихъ народнымъ воспитаніемъ лицъ былъ находкою. Училищный уставъ очень настойчиво указываетъ, что учителя должны принимать въ школу всѣхъ желающихъ, отнюдь не воспрещая ходить въ классъ, что не должно пренебрегать и бѣдными учениками, „чтобы приуготовить члена общества“. Для увеличенія числа учениковъ, правительство рѣшилось привлекать въ школу дѣтей гражданъ волей и неволей. Устраивались блестящіе публичные экзамены, гдѣ ученики въ обиліи получали награды, а родители ихъ видѣли къ своимъ дѣтямъ ласковое вниманіе высшей духовной и свѣтской мѣстной власти, бѣднымъ ученикамъ выдавались безденежно учебныя пособія *) и даже стипендіи, кончившимъ курсъ даны особыя права: гдѣ же всѣ эти средства оказывались недостаточными, тамъ долженъ былъ оказывать свое вліятельное воздѣйствіе попечитель школъ, мѣстный губернаторъ. Мы видѣли также, что съ цѣлью внушить болѣе уваженія и довѣрія къ школъ, начальство внимательно слѣдило за репутаціею учителей.

Ядро учениковъ главнаго училища составили ученики закрытыхъ по приказанію генераль-губернатора частныхъ школъ. Вѣроятно, безъ этого мѣропріятія училище открылось бы при самомъ незначительномъ количествѣ учениковъ. Требованія при поступленіи были самыя незначительныя, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что училище открылось прямо въ составѣ трехъ классовъ. Въ I кл. принято было 28 учен., во II кл. 10 и въ III кл. 5, всего 43 уч. **).

*) Въ 1809 г. бесплатныя книги выдавались 20 ученикамъ.

**). Юрьевъ стр. 18. По другимъ свѣдѣніямъ въ I кл. поступило 18, во II кл. — 18, въ III кл. — 7 уч., всего 38 уч. Дѣло арх. гимн. № 1, 181 об.

Половину учениковъ дали солдаты и разночинцы, четвертую часть мѣщане (5) и крестьяне (6), дѣтей купцовъ поступило 8, благородныхъ 2. По имѣющимся за 10 послѣднихъ лѣтъ даннымъ о сословіи учениковъ мы видимъ, что наибольшее устойчивое отношеніе къ училищу оказали чиновники, для которыхъ оно составляло очень опредѣленную потребность. Число учениковъ изъ этого сословія колебалось между 20—30 ежегодно, что приблизительно составляло четвертую часть общаго числа учащихся. Сравнительно значительное количество дѣтей чиновниковъ было особенно пріятно для училища потому, что почти они одни имѣли охоту и возможность оканчивать полный курсъ. Почти тѣмъ же количествомъ выражалось число учениковъ изъ мѣщанъ; въ общемъ ихъ было больше, чѣмъ учениковъ изъ „благороднаго“ сословія, но число ихъ подвергалось большимъ колебаніямъ. Мѣщане на ученіе дѣтей своихъ въ школы смотрѣли какъ на средство выдвинуть ихъ въ люди и охотно держали ихъ въ училищѣ до конца курса, но сами ученики изъ этого сословія не дорожили ученіемъ, составляли въ школѣ самый лѣнивый и беспокойный элементъ и рѣдко доучивались. Какъ бы то ни было, тонъ школѣ задавали, конечно, именно они. Число учениковъ изъ купческаго сословія колебалось между 10—25. Почти по равному количеству (между 5 и 15) училось въ школѣ дѣтей солдатъ и приказныхъ, число которыхъ тоже подвергалось весьма сильнымъ колебаніямъ и не показывало надежнаго увеличенія. Не велико было и число крестьянскихъ дѣтей въ училищѣ, но за то весьма любопытно, что оно очень замѣтно и надежно увеличивалось годъ отъ году. Приводимъ самую таблицу движенія числа учащихся по сословіямъ за 1800—1811 г. *)

Года.	Чиновниковъ.	Приказныхъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Солдатъ.	Всего.
1800	30	7	13	39	10	17	116
1801	23	2	15	26	7	10	83
1803	16	4	19	29	4	8	80
1804	20	13	20	21	7	10	92

*) Составлена на основаніи дѣлей гимназіи и не совсемъ согласна съ таблицей г. Юрьева (стр. 93).

Года.	Чино- виковъ.	При- казныхъ.	Куп- цовъ.	Мѣ- щанъ.	Кре- стьянъ.	Сол- датъ.	Всего.
1805	27	11	13	17	7	13	88
1806	17	8	10	23	11	6	75
1807	20	15	17	22	13	8	95
1808	25	7	16	28	22	8	106
1809	18	12	10	26	19	14	99
1810	26	11	21	31	15	8	112
1811	29	8	26	25	26	8	122

Количество учениковъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ вообще было не велико, и можно даже видѣть, что успѣхъ его въ этомъ отношеніи былъ менѣе значителенъ, чѣмъ успѣхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ малыхъ училищъ, напр. Слободского и Нолинскаго, даже не сравнительно, а абсолютно *). Причины малаго количества учениковъ въ главномъ училищѣ отчетомъ 1797 г. выставлялись слѣдующія: „Здѣшніе обитатели, мало соревнуй предположенной цѣли просвѣщенія, неохотно отдаютъ дѣтей своихъ въ народные училища. Можетъ быть, сіе происходитъ отъ закоренѣлаго ихъ обычая, какой ихъ предки имѣли: ибо многіе лучше хотятъ ихъ благовременно приучать къ познаніямъ въ домашнихъ дѣлахъ и для купечества и мѣщанства нужностяхъ, въ которыхъ они сами обращаются. Также многіе, имѣя своемыслие и не имѣющую склоненія ни на какія убѣжденія, отдаютъ дѣтей своихъ для обученія по церковнымъ книгамъ къ причетникамъ, восхищаясь, когда дѣти ихъ могутъ читать въ церквахъ часословъ и псалтырь, не думая того, что они подобятся тогда попугаямъ. Также многіе берутъ въ уваженіе причину, что дѣти ихъ, приходя въ училище до учителя, портятъ свои нравы, поелику ни одинъ учитель не живетъ при училищѣ“ **). Другіе отчеты указываютъ, между прочимъ, на то, что училище имѣетъ тѣсное помѣщеніе и находится далеко отъ центра города. Конечно, все же главная причина, почему набѣгали школы даже тѣ родители, которые хотѣли

*) Такъ въ 1809 г. въ Вятскомъ главномъ училищѣ было 112 уч., въ Слободскомъ маломъ 122, въ Нолинскомъ 126.

***) Юрьевъ, стр. 73—74.

видѣть дѣтей своихъ грамотными, была та, что открытыя правительствомъ училища имѣли своеобразный характеръ, внося широкое свѣтское образованіе въ среду, въ которой воспитался и взлелѣлся взглядъ на грамотность какъ на путь къ болѣе вдумчивой религіозности, а на науки какъ на суетное и легкомысленное занятіе. Хлыновцевъ тянуло въ привычную церковную школу, за направленіе которой можно было быть спокойнымъ и которая давала все, въ чемъ они нуждались. Прикрытыя въ началѣ, частныя школы скоро опять возникли. Отчетъ 1806 г. прямо пишетъ: „имѣются такія частныя школы, въ которыхъ малолѣтнѣйшихъ мужскаго и женскаго пола дѣтей вмѣстѣ обучаютъ частныя духовныя чтенію и письму, наблюдая старинное обыкновеніе выучивать часословъ и псалтырь“.

Второю важною причиною малаго количества учениковъ была боязнь заботливыхъ родителей, что дѣти ихъ въ училищѣ избалуется, и нельзя не видѣть, что боязнь эта имѣла серьезныя основанія. Однако какъ ни медленно проникало свѣтское образованіе въ среду вятскихъ гражданъ, всетаки въ теченіе четверти вѣка оно сдѣлало рѣшительные успѣхи: старыя понятія волей-неволей должны были уступить духу времени. Еще въ 1802 г., подводя итоги успѣхамъ главной школы, директоръ Рапиновъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ надежное увеличеніе въ ней числа учениковъ: „граждане въ тѣхъ городахъ, говоритъ онъ, въ которыхъ открыты школы, болѣе чѣмъ прежде рождаютъ охоты ко изученію дѣтей своихъ. Въ Вяткѣ же замѣтно довольно учениковъ изъ класса купцовъ, приказныхъ и солдатъ, и что они уже почитаютъ за должное и какъ бы за необходимое образованіе въ ученіи дѣтей своихъ; класса же мѣщанъ частью довольно, а крестьянъ мало стремится къ реченной цѣли“ *).

Какъ бы то ни было, но фактъ меньшаго числа учениковъ въ главномъ училищѣ сравнительно съ нѣкоторыми уѣздными малыми остается необъяснимымъ и страннымъ.

Пріемъ учениковъ былъ очень облегченъ: одинаково принимались дѣти и великовозрастные, мальчики и дѣвочки**), подготовка требовалась незначительная (напр. кто умѣлъ

*) Юрьевъ, стр. 90.

**) Впрочемъ въ Вятскомъ главномъ училищѣ дѣвочекъ совсѣмъ не было, такъ какъ въ немъ учились уже взрослые ученики.

„средственно читать и писать“, того садили во II кл.), принимали во всякое время года. Почему-то во второе полугодіе учебнаго года число поступающихъ бывало даже болѣе: напр. въ 1802 г. въ первое полугодіе поступило 5 учен., во второе—34. Въ 1809 г. были установлены два срока приёма—январь и августъ; „однако нерѣдко дѣти поступаютъ и не въ срочное время“, неизмѣнно повторяетъ каждый отчетъ, а жѣкоторые прибавляютъ при этомъ: „и въ томъ имъ препятствія не чинится“.

Движеніе учениковъ за разные годы видно изъ слѣдующей таблицы:

Года.	Прибыло.	У Б Ы Л О		Всего	КЪ КОНЦУ УЧЕБН. ГОДА БЫЛО				Всего.
		Оконч. курсъ.	Неоконч.		I	II	III	IV	
1786	38	—	—	—	18	13	7	—	38
1787	47	?	?	19	26	21	13	6	66
1788	39	?	?	34	27	22	13	9	71
1789	22	?	?	37	17	15	12	12	56
1790	31	5	6	11	?	?	?	13	76
1791	31	9	16	25	37	13	20	12	82
1792	30	12	26	38	28	25	11	10	74
1793	16	7	12	19	28	15	16	12	71
1794	33	11	30	41	24	14	12	13	63
1795	65	6	37	43	25	33	11	16	85
1796	82	7	37	44	56	37	15	15	123
1797	—	15	29	44	32	32	7	8	79
1798	21	4	25	29	29	18	15	9	71
1799	45	3	12	15	56	29	13	13	111
1800	30	16	9	25	51	28	16	11	116
1801	42	62	10	72	36	29	15	7	87
1802	39	31	4	35	26	21	16	10	80
1803	38	21	6	27	37	18	21	12	91
1804	29	37	9	46	—	—	—	—	74
1805	33	21	—	21	38	23	14	11	86
1806	35	35	11	46	—	—	—	—	75
1807	36	22	5	27	26	31	16	11	84
1808	47	26	5	31	45	23	20	12	100
1809	38	21	5	26	38	45	16	13	112
1810	—	—	—	—	—	—	—	—	122

Приведенная таблица даетъ намъ возможность сдѣлать

весьма любопытныя заключенія о ходѣ занятій въ Вятской школѣ: 1) въ началѣ число учениковъ, выбывшихъ до окончанія курса, было весьма значительно, доходя иногда до $\frac{1}{4}$ всего наличнаго числа, но современемъ, особенно къ самому концу 25-ти лѣтїя, число это дошло до очень незначительнаго процента; 2) число окончившихъ курсъ, въ началѣ столь незначительное, со втораго 10-ти лѣтїя стало замѣтно увеличиваться и наконецъ дошло до необыкновенно благоприятнаго процента, такъ что былъ напр. годъ (1806), когда число окончившихъ полный курсъ въ училищѣ равнялось числу вновь принятыхъ учениковъ. Такіе результаты представляются намъ поистиннѣ необыкновенными. Даже если взять отношеніе всего числа принятыхъ за все время существованія училища къ числу выпущенныхъ съ аттестатами, то оказывается, что послѣднихъ было не менѣе 45%! Очевидно, что столь откровенное самовосхваленіе, поражающее въ отчетахъ объ училищѣ Рапинова, имѣло основаніе. Изъ таблицы видно также, что прїемъ учениковъ за все 25-лѣтіе очень мало колебался, доходя до 30—45 съ годъ. Почему то въ 1795 и 1796 г. былъ особенно большой приливъ учащихся, такъ что въ 1796 г., за недостаткомъ помѣщенія, прїема вовсе не было.

У насъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, какъ обращались учителя Вятскаго главнаго училища съ учениками. Мы склонны даже думать, что особыхъ жестокостей въ этомъ отношеніи не допускалось, особенно у лучшихъ учителей, которыми училище не оскудѣвало, но судя по аналогіи съ извѣстными намъ случаями уѣздныхъ малыхъ училищъ предполагаемъ, что ученые безъ бояѣ или менѣе суровыхъ мѣръ не обходилось, какъ вообще не можетъ обойтись безъ нихъ школа, основанная на зубреніи массы фактовъ. Но наказанія не соответствовали гуманному взгляду на воспитаніе правительства, и потому имъ неоднократно обращено было вниманіе областного и мѣстнаго учебнаго начальства на необходимость искоренить замѣчаемое мѣстами жестокое обращеніе съ учениками *).

Грозя наказаніями, не давая живой пищи для дѣятель-

*) Таково напр. предписаніе Министра отъ 18 марта 1811 г. Оно было объявлено учителямъ гимназїи и содержательницѣ пансіона Альбергъ.

ности ума и сердца, чѣмъ могло привлечь училище учениковъ? Въ дѣлахъ училища временами встрѣчаются прямые указанія, что ученики охотно пользовались всякою возможностью отбыть школьнаго ученія, и не было мѣръ заставить ихъ посѣщать школу аккуратно. „По причинѣ частыхъ отлучекъ учениковъ попеременно то изъ того разряда, то изъ другаго. ученія предписаннымъ порядкомъ продолжать никакъ невозможно, а потому и предметы надлежащимъ образомъ окончить будетъ невозможно: потому что сегодня троихъ нѣтъ, завтра другихъ пятерыхъ, и такъ сегодня дождаемся тѣхъ, а завтра другихъ, а между тѣмъ время проходитъ напрасно. Когда же у учениковъ спросишь причину отлучки, то говорятъ, что родители туда посылали, либо другое приказывали дѣлать. а по справкѣ оказывается, что дѣти въ глазахъ родителей занимались рѣзвостями, а они имъ не воспрещаютъ, а дѣти, имѣя сіе, не ходятъ, а тѣмъ самымъ какъ себя лишаютъ пользы, такъ и у другихъ оную похищаютъ“ *) Въ отчетахъ отмѣчается довольно значительное количество исключенныхъ за нехождение, и надо замѣтить, что это главнѣйшая причина исключенія, такъ какъ мы не встрѣчали указанія, чтобы ученики принуждены были выйти по малоуспѣшности. Очевидно, они терпимы были до послѣдней крайности, и въ случаѣ неудачи въ занятіяхъ оставлялись не только на второй годъ, но и на третій и далѣе. Шаловливость учениковъ признавалась также недостаточною причиною для увольненія: уставъ народныхъ училищъ требуетъ, чтобы въ случаѣ несправности ученика онъ „многократно“ увѣщиваемъ былъ учителемъ, если это не поможетъ, учитель долженъ донести директору и тотъ предупреждаетъ родителей, и ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ „директоръ по довольномъ и зрѣломъ уваженіи, основываясь на правилахъ кротости и челоуѣколюбія“ подвергаетъ ученика исключенію, каждый разъ доноси объ этомъ Приказу, съ точнымъ указаніемъ причины увольненія.

Въ видахъ привлеченія учениковъ въ школы, уставъ даетъ кончившимъ въ училищѣ курсъ съ аттестатомъ нѣкоторымъ привилегіи, именно указываетъ, чтобы они были предпочтительны предъ другими при опредѣленіи на мѣста. Но такъ какъ эти мѣста были преимущественно должности спе-

*) Юрьевъ, стр. 54.

цовъ, которыя при протекціи и настойчивости можно было получить всякому грамотному, даже и далеко не прошедшему весь курсъ главнаго училища, рассчитанный на пять лѣтъ, и такъ какъ бѣдные родители нуждались въ помощи дѣтей, лишь только тѣ выходили изъ отроческаго возраста, то въ началѣ для большинства ученъе въ школѣ оканчивалось почти тѣмъ же, какъ и ученъе у причетниковъ—грамотностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, пріобрѣтеніемъ практическаго навыка въ чтеніи и письмѣ. До IV кл. оставались почти лишь одни дѣти достаточныхъ родителей. Отчетъ 1806 г. говоритъ, что ученики очень рѣдко оканчиваютъ курсъ, такъ какъ спѣшатъ найти какое-нибудь мѣсто, а солдатскія дѣти требуются начальствомъ. Въ 1789 г. визитаторъ Козодавлевъ писалъ: „число учащихся въ третьихъ и четвертыхъ классахъ весьма мало. Сіе происходитъ отъ того, что родители и свойственники учащихся не видятъ цѣли ученія, въ высшихъ классахъ преподаваемаго... ибо хотя науки и каждому полезны, однакожъ сію истину, кромѣ людей просвѣщенныхъ, немногіе чувствуютъ. Всякій знаетъ, что для снисканія мѣста въ гражданской службѣ нужно одно токмо чистописание, почему и невозможно ожидать, чтобы многіе дѣтей своихъ посылали въ высшіе классы“. Однако мы видимъ, что Вятская школа современемъ завоевала себѣ прочное положеніе въ мѣстномъ обществѣ, и случаи преждевременнаго выхода изъ нея учениковъ становились рѣже и рѣже. Такъ въ первые 12 лѣтъ училище выпускало съ аттестатами среднимъ числомъ всего по 9 учениковъ въ годъ, а во вторые—по 25, т. е. втрое больше. Очевидно, школа самымъ фактомъ своего существованія сдѣлала то, что уровень требованій отъ молодыхъ людей при поступленіи ихъ на службу въ мѣстныя присутственными учрежденія значительно повысился, и кромѣ того ясно, что солидные учителя, въ родѣ Рапинова и Вептомова, успѣли своею долговременною дѣятельностью внушить большое довѣріе къ школѣ.

За нѣсколько лѣтъ у насъ есть свѣдѣнія о томъ, куда поступали кончившіе курсъ ученія ученики, но свѣдѣнія эти такъ неопредѣленны и случайны, что трудно извлечь изъ нихъ какіе-либо выводы. Чаще всего по окончаніи курса ученики поступали въ гражданскую и военную службу, кромѣ

дѣтей купцовъ, остававшихся въ своемъ состояніи. Есть узанія, что нѣкоторые, весьма немногіе, ученики поступали въ Кадетскій корпусъ, семинарію, въ благородный пансіонъ. т. е. тѣмъ или другимъ путемъ продолжали ученіе. Въ 1810 г. попечитель предложилъ лучшимъ ученикамъ Вятскаго училища поступать въ Казанскій учительскій институтъ, чѣмъ и воспользовался Антроповъ, бывший потомъ первымъ окружнымъ инспекторомъ округа.

Нѣкоторое время въ главномъ училищѣ учились какіе-то богадѣленные мальчики, присланные для того губернскимъ начальствомъ. Учились они плохо, и потому директоръ долженъ былъ просить губернатора Брадке взять ихъ обратно.

Правительство, рѣшившееся для воспитанія „новой породы людей“ создать совершенно закрытые институты, не только дозволяло учителямъ держать у себя воспитанниковъ въ качествѣ пансіонеровъ, но даже поощряло ихъ къ тому, предполагая, что они будутъ оказывать благотворное вліяніе на учениковъ, „удерживая отъ всякаго суетвѣрія, баснословныхъ и развратныхъ дѣлъ“. На сколько знаемъ, такихъ пансіонеровъ у учителей Вятскаго главнаго училища небыло.

Практиканты. По уставу, всѣ, желающіе имѣть право преподаванія въ народныхъ школахъ, были допускаемы для практическихъ занятій въ главное училище, гдѣ они изучали приемы преподаванія (чаще всего въ теченіе года), давали затѣмъ пробный урокъ, послѣ чего директоръ, по особому опредѣленію Приказа, выдавалъ соотвѣтственное свидѣтельство. Такими практикантами бывали кончившіе курсъ въ училищѣ, но ихъ всегда было недостаточно, и потому въ число практикантовъ чаще поступали ученики семинаріи, вызванные Приказомъ по сношеніи съ епархіальнымъ начальствомъ. Практиканты тотчасъ же получали мѣста, какъ бы молоды ни были.

Въ 1787 г. въ училищѣ готовились къ учительскому званію семинаристы, взятые изъ философскаго класса: Ѳ. Серебренниковъ, Д. Хрулевъ, Д. Савиновъ и И. Кочкинъ; изъ нихъ первый былъ оставленъ при училищѣ. Въ 1790 г. были вытребованы изъ семинаріи съ аттестатами: Вештомовъ, Плетневъ и Зыковъ, въ 1791 г.—М. Анисимовъ и М. Княгининъ, въ 1796 г.—Костровъ и Черепановъ. Въ 1807 г. прак-

тикантомъ былъ сынъ учителя Слободской школы **Θ. Савиновъ**, въ 1809 г.—мѣщанинъ **Кошкаревъ**, кунеческаго званія **И. Чарушинъ** и **Платонъ Вештомовъ**. Практиканты получали отъ училища казенное содержаніе, именно по 2 руб. въ мѣсяць, и платье *); по крайней мѣрѣ такъ было въ началѣ.

VII. Содержаніе.

Заботы о содержаніи училищъ были возложены на Приказъ общественнаго призрѣнія, а въ случаѣ недостатка суммъ, особенно на первое время, попечитель училища, губернаторъ, долженъ былъ привлечь къ содѣйствію городскія думы и вызывать частныя пожертвованія. Но Вятскій приказъ въ своемъ распоряженіи имѣлъ на первое время всего 15000 руб. асс., на которые кромѣ училищъ долженъ былъ содержать бѣдныхъ, престарѣлыхъ и вообще неимущихъ людей по всей губерніи, а между тѣмъ расходовъ по одному главному училищу требовалось около 2000 руб. ежегодно. Поэтому уже при самомъ открытіи училища пришлось прибѣгнуть къ обязательному содѣйствію городского общества. Въ силу городского положенія, дума должна была передать въ распоряженіе Приказа всѣ остатки отъ 1% сбора съ питейныхъ домовъ, по удовлетвореніи нуждъ магистрата. На первое время такой суммы набралось 640 руб. вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ располагалъ Приказъ, этого было недостаточно, и губернаторъ **Желтухинъ** долженъ былъ обратиться къ сбору частныхъ пожертвованій. Эта мѣра имѣла успѣхъ: къ 1 марта 1787 г. пожертвованій собралось 2151 р., и такимъ образомъ первыя нужды училища были удовлетворены. Въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ остаткомъ прошлаго года, собралось на содержаніе училища почти такая же сумма (2167 р.), но въ 1788 г. Приказъ располагалъ для того только 880 руб. Это былъ тяжелый годъ для училища.

Князь Мещерскій въ частномъ письмѣ извѣщалъ **Желтухина**, что „всѣ чины и купечество Казани сложили подаванія въ Приказъ общественнаго призрѣнія 1200 р., да сверхъ того **И. П. Осокинъ** въ прїездѣ сюда вноситъ при письмѣ въ пользу училищъ 200 р. и обязуется ежегодно по тѣлику же вносить въ январѣ мѣсяцѣ. Сложеніемъ тѣмъ нынѣ и го-

*) Юрьевъ, стр. 19.

доваго съ Кааенной палаты городовому магистрату, по силѣ городского положенія, дачею до 1000 р., содержаніе по штату о училищѣ главномъ, директора, учителей и надлежательностей прочихъ, почти составилось уже: Порадуйте меня по Вяткѣ, чтобы видѣль я составленіе годовой для училища надобности денегъ“. Но порадовать по Вяткѣ было рѣшительно нечѣмъ,—напротивъ того, вятскій городской голова Хохряковъ, отъ 20 марта 1788 г., доносилъ Приказу, что „вятское купечество и мѣщанство учинило приговоръ, коимъ приговорило на содержаніе училища на одинъ нынѣшній 1788 г., по добровольной подпискѣ,—купцы 70 р. 35 к., а мѣщане генерально отъ всего общества 50 р., а впредь къ подаванію какъ изъ купцовъ, такъ и мѣщанъ, никто желанія не объявилъ“. Правитель намѣстничества, читаемъ въ дѣлахъ, неоднократно приглашалъ гражданъ къ себѣ, „поощряя ихъ примѣромъ къ благотворенію училища, видя же ихъ нерѣшимость, принужденнымъ нашель себя дать уже письменное предложеніе градскому головѣ обще съ городовымъ магистратомъ, представилъ имъ въ полномъ видѣ изящество доброты отъ воспитанія и просвѣщенія дѣтей проистекающей; но, къ сожалѣнію его, не обрѣлъ ревнительныхъ о пользѣ общей согражданъ“. Дѣло дошло наконецъ до того, что учителя за майскую и сентябрьскую треть 1788 г. и январьскую 1789 г. вовсе не могли получить жалованья. На представленіе вятскаго намѣстника Желтухина генераль-губернатору о бѣдственномъ состояніи училищныхъ средствъ, отъ послѣдняго получено было предложеніе: „чтобъ, по неимѣнію въ Вятской губерніи жительствовающихъ дворянъ и по отказу вспомошествованія къ содержанію училища того гражданъ, прибѣгнуть къ снисканію помощи отъ поселянъ, кои изъявляютъ желаніе на подаваніе добротное“. Вслѣдствіе такого предложенія правитель намѣстничества, въ маѣ 1789 г., обратился чрезъ земскіе суды и городничихъ къ поселянамъ и гражданамъ „на добротное подаваніе на пользу училища“. „Поелику крестьяне Вятскаго намѣстничества отмѣнное свое усердіе и раченіе къ сооруженію каменныхъ церквей и ихъ благолѣпію довольно оказали, то и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они благотвореніе сіе общественное, яко дѣло благоугодное въ пользу училищъ, по своей волѣ, имуществу и избыткамъ

воимъ оказанное, почли за тягостное“. Въ скоромъ времени о всѣхъ селеніяхъ Вятскаго намѣстничества стали на мѣркихъ сходахъ составляться приговоры о добровольныхъ пожертвованіяхъ на дѣло народнаго образованія. Въ этомъ дѣлѣ приняли участіе также и инородцы здѣшняго края: вотьян, черемисы и татары. Послѣдніе съ общаго согласія постановили съ каждой души (по 4-й ревизіи) дать по 2 коп. Благодаря этому участію жителей губерніи, къ концу 1789 г. было собрано въ пользу главнаго училища 9190 руб. Приказъ общественнаго призрѣнія „посредствомъ сего, на челолюбіи основанномъ пособіи, не токмо удовлетворилъ учителей выдачею полнаго жалованья, но и послалъ во градъ ѡ. Петра до 110 р. на покупку книгъ и пособій“. Въ 1794 г. губернаторъ Желтухинъ долженъ былъ снова прибѣгнуть къ испытанному уже средству—къ обращенію чрезъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ къ жителямъ городовъ и селеній Вятскаго намѣстничества съ приглашеніемъ „къ добровольному подаванію на содержаніе главнаго губернскаго и малыхъ народныхъ училищъ“. „Долгомъ своимъ поставляю предложить паки,—пишетъ въ своемъ приглашеніи Желтухинъ,—городничимъ и земскимъ судамъ, дабы городничіе чиновникамъ и другимъ въ городахъ обитающимъ, а судовыхъ земскіе исправники и присутствующіе ко всѣмъ поселянамъ употребили прошенія свои, присоединяя къ тому и юю просьбу къ обитателямъ губерніи Вятской о сложеніи уммы къ добродетельному подаванію на содержаніе главнаго наднаго училища и уѣздныхъ. Но, дабы при семъ не могло какое-либо вкрасться злоупотребленіе и не представить бы бывателямъ такой ихъ произвольной благости въ видѣ какого-либо сбора или принужденія, то внушить имъ на мѣркихъ сходахъ съ истолкованіемъ яснымъ, что таковое даяніе должно быть изъ единой ихъ доброй воли, и кто сколько изъ своего избытка дать пожелаетъ, а непринужденно, принять то съ благодареніемъ и учтивостью. Въ противномъ же случаѣ, дерзнувшій употребить коварный предлогъ для челолюбія и хищничества своего восчувствуетъ всю строгость законовъ... Сверхъ же сего предписать имѣю: какъ извѣстно имѣю, что въ округѣ имѣются владѣльческіе заводы, крестьяне и инновѣрцы, то и въ тѣхъ селеніяхъ находятся помѣщики,

то самимъ въ небытности, прикащиковъ ихъ испросить по точности же выписаннаго предписанія въ подаваніе народнаго училища денегъ. Относительно же до иновѣрцевъ, то хотя и не пользуются они отъ сихъ училищъ науками, кромѣ Слободскаго училища, въ коемъ и мусульманскія дѣти обучаются предметамъ, но благотворительное ихъ подаваніе, ежели сами они дать захотятъ, послужить на пропитаніе бѣдныхъ увѣчныхъ и престарѣлыхъ. Слѣдовательно, изъ сего могутъ присутствующіе въ земскихъ судахъ заключить, что всякое насиліе и наклоненіе подъ предлогомъ какимъ бы то ни было строгостью законовъ воспрещается, а должны просить убѣдительно съ тихостью и благодареніемъ безъ всякой суровости, не дѣлая ни малѣйшаго огорченія даже и тѣмъ поселанамъ, кои подать не возжелаютъ, какого бы они рода и званія ни были“. На этотъ разъ дѣло не обошлось, однако, безъ злоупотребленій. Нолинскій округъ засѣдатель Чепурныхъ, который допустилъ вымогательство съ корыстною цѣлью, былъ „поноснѣйшимъ образомъ наказанъ публично кнутомъ съ вырѣваніемъ ноздрей и отлученіемъ на вѣчно въ каторжную работу“. Жертвованія шли хотя и не такъ успѣшно, какъ въ 1789 г., но все-таки къ концу 1794 г. Приказъ общественнаго призрѣнія располагалъ уже суммою въ 2608 р. Добровольныя жертвованія продолжались и въ слѣдующемъ году, когда они достигли до 6771 руб. Насколько эти пожертвованія были добровольны—сказать трудно, но едва ли указанный выше случай съ Нолинскимъ засѣдателемъ былъ единиченъ. Всей собранной на этотъ разъ суммы достало на содержаніе народныхъ училищъ только на два года; такъ въ счетной вѣдомости, учиненной за 1797 г., значилось въ приходѣ вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года 1813 руб., а расходу по всѣмъ училищамъ сдѣлано 2942 руб., такимъ образомъ перерасходовано было болѣе приходу на 1129 руб. „Да и на будущее время, по несостоянію училищныхъ суммъ, читаемъ въ той вѣдомости, употребляться будетъ на всѣ по народнымъ училищамъ издержки собственная сумма Приказа общественнаго призрѣнія“ *). Борьба за существованіе кончилась, и съ этого времени попечители народныхъ училищъ

*) Юрьевъ, стр. 28—37 и Столѣтіе Вятск. губ. I, 249—251 и II, 616.

уже не прибѣгали къ сбору частныхъ пожертвованій на нужды открывшихся школъ; Приказъ покрываетъ всѣ издержки изъ собственныхъ суммъ, хотя со скупостью, но безъ большихъ затрудненій. Городъ сталъ уплачивать все менѣе и менѣе, и временами Приказъ ничего не могъ получить съ него, пока, на основаніи новаго распоряженія министра, наконецъ не потребовалъ аккуратнаго выплачиванія ежегодно опредѣленной суммы. Ссылаясь на недостатокъ доходовъ, дума въ 1809 г. постановила выдавать на содержаніе главнаго училища всего лишь по 100 руб. въ годъ.

Сбора за право ученія въ главномъ училищѣ не существовало, и потому оно не могло располагать такъ называемыми специальными суммами.

Расходы по Вятскому главному училищу простирались до 1890 руб. асс. въ годъ, причемъ учителямъ на жалованье шло 1000 руб., квартирныхъ имъ же 180 р., на дрова, свѣчи и бумагу 70 руб., сторожу 40 руб. Жалованье выдавалось по третямъ. Съ 1804 г. учителя добились хоть того, что оно стало выдаваться черезъ директора, а не прямо изъ Приказа.

Приводимъ свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ на содержаніе одного главнаго и трехъ малыхъ училищъ Вятской губерніи *).

Годы.	Приходъ	Расходъ.	Годы.	Приходъ	Расходъ.
1786	2151	671	1799	—	3168
1787	2167	1882	1800	—	2444
1788	880	820	1801	—	2003
1789	9190	2177	1802	—	2828
1790	7990	1954	1803	—	2293
1791	6466	2242	1804	—	2753
1792	4461	2267	1805	1270	1222
1793	2384	2327	1806	1889	1937
1794	2608	2207	1807	1840	1823
1795	5369	2203	1808	1949	1948
1796	3666	2236	1809	2128	2128
1797	2042	1813?	1810	2758	2752
1798	—	2453	1811	2223	1875

*) Малыя училища требовали до 1850 р. въ годъ собственно на жалованье учителямъ. Въ таблицѣ съ 1806 года указанъ приходъ и расходъ исключительно Вятскаго главнаго училища.

На основаніи распорядженія 1809 г., повѣрка суммъ и вещей производилась въ началѣ каждаго мѣсяца, и рапорты о состояніи суммъ доставлялись попечителю.

VIII. П о м ѣ щ е н і е.

Уставъ народныхъ училищъ проектировалъ очень удобныя помѣщенія для нихъ; именно предполагалось выстроить или нанять для каждаго главнаго училища двухъэтажный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго 4 комнаты должны были занять классы и 4—библіотека и кабинеты, а въ нижнемъ предполагалось размѣстить учителей, такъ чтобы для учителей старшихъ классовъ приходилось по 3 комнаты съ кухней, а для учителей младшихъ по 2. Вятское главное училище такъ и не дождалось такого роскошнаго помѣщенія. На первое время для него были нанять первый попавшійся домъ, такъ какъ выждать или выбирать не было времени. Домъ архіерейскаго пѣвчаго Котлецова, нанятый для училища по 40 руб. въ годъ, находился близъ городского вала, между нынѣшними Вознесенскимъ мостомъ и молочнымъ рядомъ и состоялъ изъ четырехъ комнатъ, но былъ такъ холоденъ, что черезъ два года (1788 г.) училище должно было перебраться въ другое помѣщеніе—въ сравнительно большій домъ пономаря Царевской церкви Ник. Окишева, находившійся въ срединѣ города, гдѣ оно и пробыло цѣлый годъ *), пока въ 1789 г. городское общество не передало въ вѣдѣніе Приказа общественнаго призрѣнія весь верхній этажъ дома, въ которомъ помѣщался до того губернской магистратъ **). Здѣсь училище пробыло въ теченіе 11 лѣтъ, т. е. почти половину всего времени своего существованія; это помѣщеніе было столь тѣсно, что въ 1800 г. губернаторъ Латышевъ приказалъ перевести училище въ помѣщеніе только что упраздненнаго Верхняго земскаго суда, въ каменный корпусъ присутственныхъ мѣстъ, во второй этажъ ихъ, гдѣ оно оказалось въ сообществѣ съ Совѣстнымъ Судомъ, Удѣльной Экспедиціей и Городской Полиціей. Хотя новое помѣщеніе было обширнѣе, за то представляло другія неудобства: оно находилось на

*) По преданію, сохранившемуся въ семьѣ Калининныхъ, это нынѣшній домъ Ермолиныхъ, что на Никитской улицѣ близъ Городскаго училища.

**) О чемъ было въ свое время напечатано въ Московскихъ вѣдомостяхъ „для свѣдѣнія почтенной публики“.

краю города, вследствие чего случаи опаздыванія и нехожденія учениковъ и учителей участились, и кромѣ того было такъ холодно, что даже учителя съ трудомъ выносили свои обязательные три часа ученья, а вовсе зимнія публичныя испытанія почти не посѣщались чиновниками и горожанами; по замѣчанію отчета 1802 г., „въ осеннее и зимнее время выбывало болѣе учениковъ безвременно за холодомъ“. И еще было существенное неудобство: классы не были снабжены перегородками, такъ что слова учениковъ и учителей сливались въ общій шумъ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать. Объ этихъ неудобствахъ директоръ Рапиновъ доносилъ Приказу и губернаторамъ почти ежегодно, и добился наконецъ того, что постройка специально для училища приворовленнаго помѣщенія была признана необходимою; однако средствъ для нея не находилось. На выручку училищу пришелъ пожаръ, случившійся въ помѣщеніи училища 20 марта 1809 г., на другой день послѣ отъѣзда директора на ревизію. Произошелъ онъ по невозможной ветхости училищныхъ печей *): сторожъ, сильно протопивъ печи, ушелъ домой, и ночью полъ затлѣлся. Отъ огня выгорѣла вся внутренность помѣщенія училища и вся мебель; библіотека и кабинеты были спасены единственно благодаря смѣлости и находчивости купца Веретенникова, который и получилъ за это послѣ благодарность отъ начальства. Пожаръ имѣлъ тотъ результатъ, что для училища отведено было новое помѣщеніе (въ деревянномъ дому близъ Царевской церкви, гдѣ Приказъ сдѣлалъ всѣ нужныя поправки и новую мебель). Въ то же время, по требованію директора, Приказъ назначилъ для училища второго сторожа. Одновременно попечитель потребовалъ, чтобы наблюденіе за помѣщеніемъ было кромѣ директора поручено еще одному изъ учителей **) и чтобы назначены были учительскія дежурства въ училищѣ ***). Въ новомъ помѣщеніи было 4 комнаты для классовъ и 1 для сторожа, 2 чулана (одинъ взять подъ кабинетъ, другой для библіотеки). Партъ въ эту пору было 24.

*) Двѣ были до того плохи, что даже не топилась.

**) Поручено было Колбеку.

***) Нѣкоторыя изложенныя здѣсь свѣдѣнія извлечены изъ статьи Юрьева, стр. 38, 40, 82 и 90.

Изъ переписки по случаю заказа новой мебели мы узнаемъ, что потребовалось сдѣлать 24 ученическіе стола (съ ящичками и скамейками), каждый для 5 учениковъ, 4 учительскіе стола, 8 кожаныхъ стульевъ, 4 черныя доски на треножникахъ и большой столъ для электрической машины и другихъ надобностей. Мастеръ Калининъ брался сдѣлать все это за 50 руб. Въ 1797 г. училищный инвентарь былъ слѣдующій: въ I кл. 9 партъ, столъ и стулъ для учителя, во II кл. 8 партъ и мебель для учителя, въ III кл. 3 парты. въ IV тоже, кромѣ того: вочерга, ковшъ, 4 щипцовъ для снятия со свѣчей и 2 висячихъ замка *). Другихъ овѣдѣній объ училищномъ имуществѣ мы не имѣемъ.

По Уставу сторожей для училища должно было быть двое, но до 1809 г. Приказъ изъ экономіи нанималъ одного. платя ему 40 руб. въ годъ жалованья. Въ 1799 г. директоръ Стефановичъ временно выпросилъ у Приказа еще второго сторожа, поручивъ ему впрочемъ очень своеобразныя обязанности.

„Какъ при главномъ народномъ училищѣ находится одинъ только сторожъ для топленья печей и чистоты дома. то за нужное почитаю при училищномъ домѣ быть еще человѣку состоянія добropорядочнаго изъ военнослужащихъ, который бы имѣлъ смотрѣніе во всякое время надъ воспитанниками, дабы они, собираясь до приходу учительскаго, допускаемы не были ни до какихъ предосудительныхъ поступковъ, предосудительныхъ рѣзвостей, колыми паче ссоры и драки. А притомъ справлялся бы съ родителями или родственниками учениковъ о причинѣ нехожденія ихъ въ классы. Репортовалъ бы директору, а въ случаѣ его отбытія, въ Приказъ общественнаго призрѣнія каждый день, *все ли учителя при своихъ должностяхъ и въ предписанныя часы уставомъ, а буде кого изъ нихъ нтъ, то почему.* Ходилъ бы съ учениками при учителѣ въ праздничныя и другіе по обряду христіанскому установленныя дни во святой храмъ. А потому, не угодно ли будетъ Приказу общественнаго призрѣнія, явшагося отставнаго изъ военной службы капрала Іуду Ефимова приставить къ училищному дому для надлежащаго во

*) Юрьевъ, стр. 72.

воѣхъ прописанныхъ частяхъ присмотра“. Капраль Гуда оказался далеко не на высотѣ своего призванія: „какъ находящійся при вятской школѣ смотритель Гуда Ефимовъ обращается въ пьянствѣ и буйственныхъ поступкахъ, какіе при воспитаніи дѣтей терпимы быть не могутъ, а потому и приказали: оному унтеръ-офицеру за обращеніе въ пьянствѣ и буйственныхъ поступкахъ отъ смотрительской должности отказать“. Вѣроятно, знаменитый капраль не очень жалѣлъ, что расстаётся со школою, такъ какъ за исполненіе своихъ сложныхъ и священныхъ обязанностей онъ получалъ всего 20 руб. *).

IX. Библіотека и кабинеты. Продажа при училищѣ книгъ.

По уставу 1786 года при училищѣ должны были состоять въ качествѣ необходимыхъ для преподаванія пособій: библіотека, естественно-историческій кабинетъ (преимущественно мѣстнаго характера) и собраніе физическихъ, механическихъ и архитектурныхъ предметовъ.

Библіотека долгое время состояла большою частью изъ учебниковъ, въ количествѣ экземпляровъ, достаточномъ для раздачи бѣднымъ ученикамъ во временное пользованіе и приобрѣтаемыхъ Приказомъ, но затѣмъ она понемногу стала пополняться официальными изданіями и книгами, которыми время отъ времени высылались бесплатно изъ Главнаго Правленія училищъ. Пожертвованіями библіотека пополнялась чрезвычайно скудно, такъ какъ въ ту пору въ городѣ у частныхъ лицъ книги составляли еще рѣдкое явленіе. Въ общемъ библіотека была даже къ концу существованія училища такъ мала, что помѣщалась на нѣсколькихъ полкахъ въ чуланѣ и частью тутъ же въ сундукѣ. Въ большемъ количествѣ томовъ имѣлось Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Труды Вольно-Экономическаго общества и Кругъ хозяйственныхъ знаній. Составъ книгъ былъ совершенно случаенъ и мало интересенъ; изъ числа лучшихъ назовемъ: Обзорніе Россіи Пленцеева, Исторія Стриттера, Записки касательно русской исторіи, Извѣстіе о

*) Юрьевъ, стр. 77—79.

старообрадцахъ, Лѣтопись Нестора, Статистическій журналъ Германа, Курсъ высшей математики Безу, Сочиненія Карамзина, Минералогія Севергина, Математика Кеплера, Исторія Тацита. Въ 1809 г. всѣхъ книгъ было лишь 55 названій! Кажется, что до 1804 года библіотека вмѣстѣ со складомъ учебниковъ находилась въ помѣщеніи Приказа и, кажется, безъ привору. Рапиновъ доносилъ Приказу въ этомъ году, что библіотекарю очень трудно отыскивать требуемую книгу, такъ какъ всѣ онѣ лежатъ кучами, и къ тому же отъ постояннаго перебиранья книги портятся, и потому просилъ сдѣлать для книгъ шкафы и перенести ихъ въ помѣщеніе училища. Губернаторъ Руничъ охотно исполнилъ эту просьбу, но сдѣлалъ директору довольно чувствительный выговоръ за то, что онъ не доносилъ о печальномъ положеніи библіотеки разѣе *). Все время своей службѣ въ училищѣ библіотекаремъ состоялъ Вештомовъ.

Натуральный кабинетъ былъ лучше библіотеки, благодаря случайной покупкѣ въ 1799 году чьего-то цѣлаго собранія, состоящаго изъ 385 минералловъ, 313 монетъ, 127 раковинъ и разныхъ морскихъ диковинокъ. Постѣ этого кабинетъ пополнялся очень медленно и исключительно образцами минералловъ. Нѣтъ свѣдѣній, какимъ образомъ и отъ кого приобрѣтенъ былъ этотъ любительскій кабинетъ, но нельзя не замѣтить, что для своего времени онъ составленъ былъ весьма недурно. Минераллы имѣлись въ немъ характерныхъ породъ и притомъ изъ наиболѣе красивыхъ; были тутъ топазы, аметисты, опиксы, сердолики, халцедоны, бериллы, хрусталь, яшма разныхъ сортовъ, агаты, опалы, янтарь, малахитъ, колчеданы и другія мѣдныя, свинцовыя и желѣзныя руды и пр. Самая опись кабинета составлена знающею рукою. Еще болѣе цѣнна коллекція медалей, въ которую входили русскія и иностранныя монеты, иногда очень рѣдкія, напр. монеты римскихъ императоровъ I—III в.в., монеты старыхъ русскихъ князей, азіатскихъ владѣтелей, монеты XVIII в. иностранныя, разные жетоны и абдруки **). Въ 1804 г. на лѣтнемъ публичномъ испытаніи принесъ въ даръ

*) Юрьевъ, стр. 102—104.

**) Нѣкоторыя монеты описаны у Юрьева (стр. 100), а полное описаніе см. въ дѣлѣ № 1, стр. 91—95. Тамъ же подробное описаніе всей коллекціи.

училищу 7 образцовъ вятскихъ рудъ и голову ископаемаго животнаго изъ сибирской шахты Никитинъ, засѣдатель уголовной палаты. Въ 1806 году кабинетъ получили 31 образчикъ минералловъ отъ сарапульскаго учителя Кострова. Сильно пополняться натуральный кабинетъ сталъ только со времени открытія гимназіи, благодаря личнымъ трудамъ ея преподавателей. Натуральный кабинетъ находился также въ заведываніи Вештомова. По выходѣ Вештомова въ отставку милицъ-кабинетъ, какъ мы видѣли выше, былъ цѣликомъ похищенъ его сыномъ, учителемъ I кл. Монеты вмѣстѣ съ предметами натурального кабинета тогда хранились въ чуланѣ, запираемомъ на замокъ, и въ ящикѣ, также запертомъ. Похитителю удалось незамѣтно отпереть замки во время ученья. Всѣ серебряныя монеты были найдены, а мѣдныхъ утрачено было 62 экз., по придиричливой расцѣнкѣ Главнаго Правленія училищъ на 50 руб. асс.

Собраніе физическихъ, механическихъ и архитектурныхъ предметовъ было очень незначительно. Въ 1809 году въ немъ были: электрическая машина, 2 термометра, испорченный барометръ, ватерпасъ, 2 камеръ-обскуры (одна негодная къ употребленію), 2 готовальни и 14 геометрическихъ моделей.

Кромѣ того при библиотекѣ находились: земной и небесный глобусы, географическія карты, фигуры для естественной исторіи, рисунки для рисовальнаго класса. Термометръ и барометръ служили для метеорологическихъ наблюдений директора Стефановича, предпринятыхъ имъ по желанію тогдашняго губернатора. Самъ Стефановичъ объ этомъ писалъ такъ: „Его Превосходительство, яко попечитель народныхъ училищъ, по случаю воздушныхъ превратностей, не преминулъ своимъ разсужденіемъ подать поводъ директору къ замѣчанію состоянія погодъ здѣшняго климата“. Съ 1783 г. Стефановичъ велъ свои наблюденія по 1795 г., помѣщая ихъ въ „Памятникахъ объ училищахъ“, т. е. въ историческихъ запискахъ, кстаті занося сюда еще свѣдѣнія о нѣкоторыхъ примѣчательныхъ событіяхъ, въ родѣ постройки общественныхъ зданій, перемѣны чиновниковъ и пр. *).

Наибольшее количество географическихъ и другихъ

*) Юрьевъ, стр. 39.

учебныхъ пособій прибрѣтено, кажется, въ 1790 г., по случаю удачнаго сбора пожертвованій *).

Съ 1809 г., по требованію попечителя, цѣлость кабинетовъ въ опредѣленное время повѣрялась директоромъ и старшимъ учителемъ.

Продажа книгъ при училищѣ.* По неимѣнію въ Вяткѣ книжной торговли, учебники выписывались Приказомъ изъ Канцеляріи Главнаго Правленія, при которомъ современемъ открытъ былъ книжный магазинъ. По полученіи въ Приказѣ книгъ, онѣ сдавались директору для продажи. Вырученная сумма поступала въ Приказъ. Черезъ директора пересылались книги для продажи и по малымъ училищамъ. Книги получались вообще своевременно, но иногда ихъ не доставало, напр. въ 1798 г.

Съ 1807 г., для облегченія въ перепискѣ, были установлены прямыя сношенія по выпискѣ книгъ Главнаго Правленія съ директоромъ.

Нерѣдко дирекція обременялась порученіями Главнаго Правленія о продажѣ тѣхъ или другихъ книгъ не изъ числа учебниковъ. Такъ въ 1804 г. попечитель просилъ директора принять участіе въ продажѣ книгъ, изданныхъ Главнымъ Правленіемъ и не имѣющихъ сбыта, напр. Сочиненій объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія, статистики Германа, Книги о правѣ народномъ и проч. Время отъ времени разсылались для продажи и частныя изданія, покровительствуемыя начальствомъ, напр. Лицей Мартынова, Сѣверный Вѣстникъ и проч. **). Всѣ эти порученія были весьма обременительны для директора и учителей.

Х. И т о г и.

Общее обзорѣніе судебъ Вятскаго главнаго народнаго училища приводитъ насъ къ отрадному заключенію. Правда, курсъ училища былъ слишкомъ реаленъ и даже непосилентъ. учебники страдали недостатками, школьные порядки на нашъ современный взыскательный взглядъ не представляются вполне симпатичными, составъ учителей былъ далеко не всегда уда-

*) Юрьевъ, стр. 38.

**) О продажѣ книгъ изъ малыхъ училищъ есть интересныя свѣдѣнія въ упомянутой статьѣ г. Лаврентьева.

ченъ и положеніе ихъ было тяжелое, содержаніе училища было скудное, помѣщеніе дурное, и все-таки историкъ покидаетъ изученіе прошлаго этого училища съ удовлетвореннымъ чувствомъ: въ теченіи цѣлой четверти вѣка оно держалось замѣчательно бодро и увѣренно и, несмотря на всѣ неудобства и препятствія, завоевало для школы право на существованіе; оно умѣло привлечь до 900 учащихся, изъ которыхъ до 400 успѣло побудить кончить полный курсъ. Мы видимъ, какъ трудно первымъ дѣятелямъ училища достался ихъ успѣхъ, и нельзя не удивляться ихъ выносливости и мужеству, ихъ увѣренности въ своемъ дѣлѣ; особенно удивляетъ и радуетъ насъ сила духа и неустанное трудолюбіе тѣхъ изъ нихъ, которые вынесли училище на своихъ плечахъ—Стефановичъ, Рапиновъ, Вештомовъ и Колбекъ. Не забудемъ также, что успѣхъ училища находится вмѣстѣ съ тѣмъ въ полной зависимости отъ той энергичной поддержки, которая оказана была ему со стороны правительства. Можемъ съ увѣренностью сказать, что Вятское главное училище вполне оправдало великую рѣшимость Императрицы Екатерины *).

А. Спицынъ.

*) Настоящая статья составляетъ какъ бы введеніе въ предпринятую нами исторію Вятской гимназіи. Матеріаломъ для нея послужили дѣла архива гимназіи и не разъ упоминаемая въ сноскахъ книжка В. П. Юрьева, имѣющая темою исторію вятскихъ народныхъ школъ, преимущественно же Вятской главной, и составленная по дѣламъ Приказа общественнаго призрѣнія, хранящимся въ архивѣ Губернскаго правленія. Сохраняя авторскія права нашего уважаемаго предшественника, мы старательно отмѣчаемъ всѣ заимствованія изъ его труда. Историческая записка о Вяткомъ главномъ училищѣ, составленная въ 1864 г. писмоводителемъ гимназіи В. С. Лопатинымъ въ свое время имѣвшая значеніе и напечатанная въ 1881 г. съ нѣкоторыми дополненіями въ сборн. „Столѣтіе Вятской губерніи“ т. II. 613—622, для нашей работы дала очень немногое. Совсѣмъ никакого значенія для нея не имѣла статья по исторіи училища, составленная послѣ 1881 г. г. Кочкинымъ, оставшаяся при дѣлахъ гимназіи въ рукописи.

